

66996

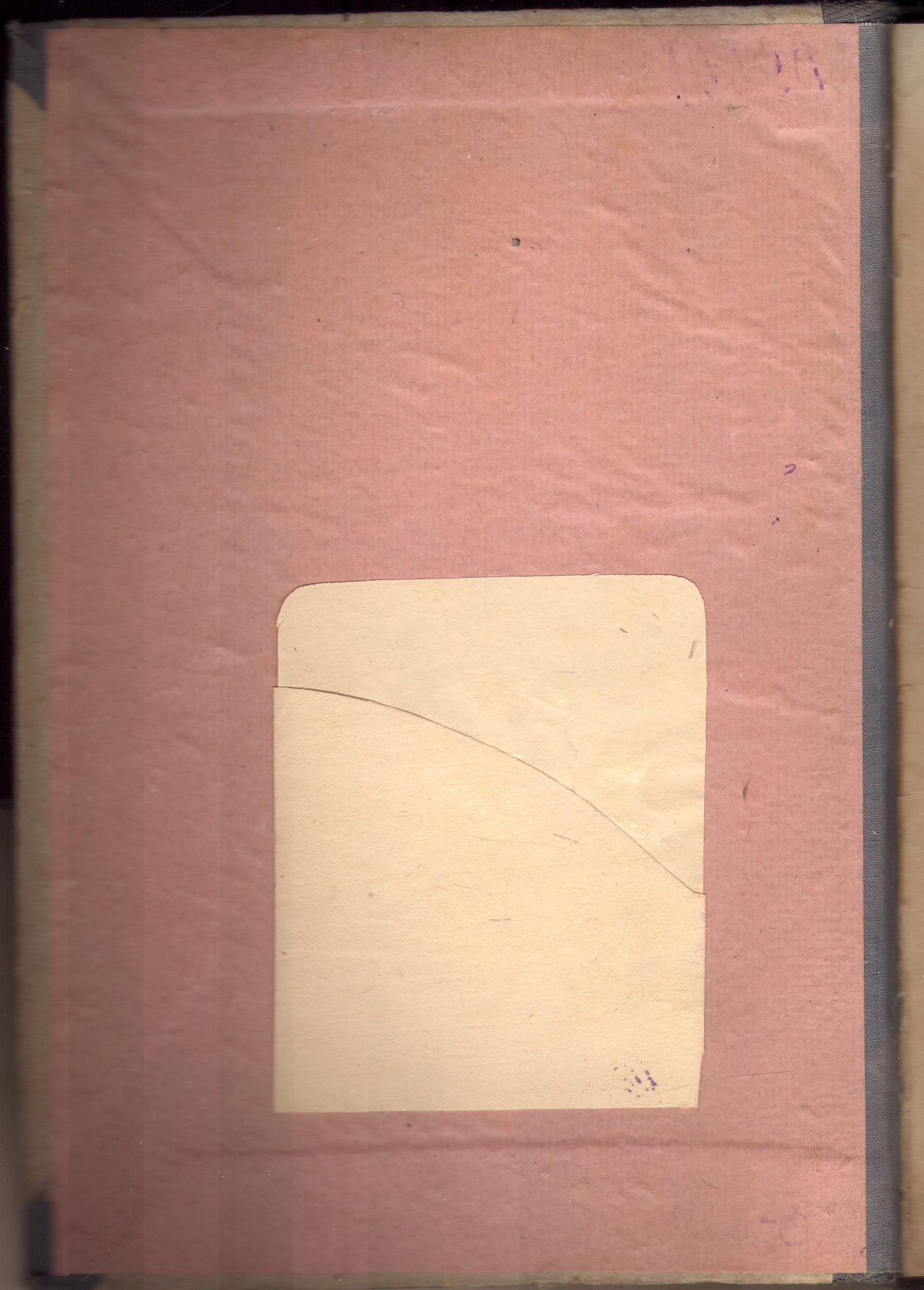
Военно-истори-
ческий сборник

V.N. Karazin Kharkiv National University

00433498

5

Война 1914-1918 г.

38

ПРОПЕДИ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК.

ЦЕНТРАЛЬН. НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 66996

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙНЫ
1914—1918 г.

ВЕРХНИЙ
МАРШ
№ 10950

ВЫПУСК 1-й.

Проверено
ЦНБ
1939

МОСКВА.—1919.

1795

58. В-63.5.

1938

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ

СБОРНИК

ОБЩЕЕ СООБЩЕНИЕ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ
В ПЕРВЫЕ ДВА МЕСЯЦА ВОЙНЫ 1914-1918

ВЫПУСК I

МОСКВА.

Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., собств. дом.
1919.

Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.

До 15.000.000 русских граждан, оторванные от своих очагов, переодетые в серые солдатские шинели, жили в течение 4 лет необычными интересами, отдавали свою кровь и здоровье, работая над разрешением задач, приковывавших в мирное время внимание немногих специалистов,—преимущественно генштаба.

За их спиной весь 180 миллионный русский народ чувствовал себя выбитым из будничной колеи. Привлеченный к новым отраслям труда, он вырабатывал бесчисленное количество требуемых предметов снаряжения, боролся с растущей дороговизной и голодом, выносил бедствия эвакуации и наплыва беженцев, посылал в действующую армию безконечные маршевые роты, табуны лошадей, гурты скота.

Непосредственно ощущаемые результаты войны—перестройка карты Европы и ее колоний, экономический кризис, революция в России, Австро-Венгрии и Германии, изменившие основы их государственности. Но и в тех государствах—романской и особенно англо-саксонской рас, строй которых пока выдерживает связанные с войной потрясения, произошли глубокие изменения взглядов на право и целесообразность вмешательства государства в частную деятельность его граждан, на организацию и координирование всех производительных сил страны, на право государства стеснять свободу граждан и требовать от них жертв имуществом и кровью.

Глубокие социальные изменения, вызванные всемирной войной, явятся объектом изучения, организуемого социалистической академией. Предсказания политико-экономистов, начиная с Блюха, не предвидевших возможности для государств капиталистического строя развивать многолетние напряжения, связанные с войной, оказались несостоятельными, и необходимо тщательное изучение социальных явлений, связанных со всемирной войной, для возможности новой постановки диагноза о

силе и способности государств, находящихся на различных ступенях промышленного развития, к упорной войне.

Военное ведомство в лице своего исторического органа, стоит перед другой стороной в изучении всемирной войны. Все тактическое развитие армий в ближайшие десятилетия будет базироваться на толковании опыта войны. Необходимо сделать из него правильные выводы для организации, обучения и введения в бой вновь создаваемой вооруженной силы. Армии всех капиталистических государств выделяют для этой задачи все свои лучшие технические силы, так как она требует сложной и напряженной работы. Опыт франко-австрийской войны 1859 года был изучен в Германии через три года, вследствие личного руководства Мольтке историческими работами. По опыту войны 1870 года Германия успела только в 1888 году перестроить уставы в соответствии с тактикой заряжаемого с казны оружия.

Нужна тщательная критическая работа, чтобы не пойти по ложному пути, чтобы не дать ошибочных обобщений, примером коих назовем—у американцев, после войны Севера с Югом, выводы о невозможности наступать на линию окопов, занятую шеренгой стрелков,—у англичан, после войны с бурами, о невозможности вообще фронтального наступления,—и у русских, из успешной обороны Порт-Артура в 1904 году, о возможности длительного сопротивления изолированной крепости в европейской войне.

Всемирная война выдвинула новые формы стратегии: протянулись на тысячи верст неизвестные до того широкие фронты, показались армии, возрождающиеся в короткое время после самых тяжелых неудач; преследование вне поля сражения потеряло свою силу; по ограниченности цели отдельных операций мы как бы переселились вновь в XVIII век. Современный пехотный полк занимает больший участок поля сражения, чем вся армия Наполеона под Бородиным, и располагает более совершенным и сложным аппаратом связи. Управление войсками предъявляет к начальникам новые, весьма повышенные требования. Переброски войск во время боя по железным дорогам и на автомобилях обратились в нормальное явление, резервы разместились в вагонах и у железнодорожных узлов, и мысль Мольтке, что ошибки в первоначальном развертывании являются неустраняемыми в дальнейшем ходе войны,—уже устарела.

Тактика, считающаяся с новым масштабом времени и пространства боев, получила в свое распоряжение невиданные технические средства для создания крепкого фронта перед

неприятелем и для прорыва неприятельских позиций. В полевых боях выпускается такое количество боевых припасов, применяется так широко лопата и технические части, как раньше это казалось мыслимым только при осаде крепостей. Бой идет в отравленной газами атмосфере, с борющимися над батареями за господство на воздухе эскадрильями аэропланов, на поле сражения, окутанном телефонными проводами, при ежеминутной возможности столкновения с танками и бронированными автомобилями—и необходимо глубокое изучение новых условий ведения боя, что бы извлечь всю возможную пользу из имеющихся средств, из готовности войск на самопожертвование, и восторжествовать над волей врага.

Всемирная война на одном русском фронте занесла в летопись военной истории многие сотни боев, из которых каждый, по количеству участников и пролитой крови, в предшествующую эпоху получил бы название сражения и привлек бы к себе большое внимание. Миллионы дел штабов и войсковых частей, разбросанные по архивам и большей частью еще не систематизированные, заключают в себе документы, по которым военный историк может осветить фактическую сторону событий и написать для войск интересные и поучительные страницы. Это богатство архивного материала ставит перед Комиссией по исследованию опыта войны вопрос—с чего начать и в каком направлении вести работы?

Наиболее поучительными являются те боевые события, которые потребовали от войск крайних напряжений, где мы можем наблюдать в наиболее полной форме назревание и разрешение кризиса боя. Это—как раз те крупные операции, в которых наши войска, умело руководимые, героически приносили все требуемые от них жертвы и добивались поставленных задач, или же вследствие безтолкового управления, недостатков в организации и снабжении, оказывались в катастрофическом положении. Исследование опыта войны, без изучения и освещения фактической стороны этих основных крупных операций, невозможно. Мелкие частные вопросы военного искусства, рецептурная сторона военного дела, по которой многие ожидают от Комиссии немедленных и точных указаний, разрешатся сами собой, когда будет пролит свет над основными операциями войны, и будут решены в стройной системе. Все попытки переиздания уставов, до уяснения себе, в широком масштабе, смысла и значения той эволюции, которую пережило военное искусство во время войны, будут разбиваться вследствие отсутствия единого тактического мировоззрения.

Те самые утилитарные задачи, которым призвана служить Комиссия, влекут ее к затрате усилий на описание и исследование важнейших военных операций. К этому влечет нас и другое соображение: каково бы ни было отношение народа к минувшей войне, он должен внимательно отнестись к усилиям, упорству, самоотвержению и памяти тех, которые не считая, усеяли своими скромными могилками нашу западную окраину. Постановка им памятника, в виде официальной истории войны, неизбежна для всякого правительства, продолжающегося нуждаться в вооруженной силе и вновь призывающего народ к жертвам. Военская доблесть нуждается в культе и культ воинской доблести необходим, чтобы одерживать победы. Французская революция стала великой потому, что не только не подавила воинственные качества французского народа, но девизом свободы, равенства и братства раздула в засиявший на весь мир костер искру военных традиций Тюрена. Швейцарская республика располагает в своей милиции надежной армией потому, что в швейцарском народе военная доблесть пользуется глубоким уважением; в этом самом свободном народе сильны военные традиции, сильна память о подвигах тех швейцарских солдат, которые в течение столетий составляли отборное ядро, гвардию многих государств. Заграничная печать — и не только немецкая, но и союзническая, стремится уже исказить смысл событий прошлой войны, умалить в ней сыгранную Россией роль, создать о русской армии и русском солдате ложное представление — и это является одним из звеньев политики, стремящейся к балканизации, раздроблению России. В настоящий момент, когда всякому самоопределению народов открыта широкая дорога, память об общем величественном историческом прошлом особенно дорога, как цемент, связывающий нас в одно целое.

Таким образом, утилитарные и пиетические требования, стоящие перед Комиссией по исследованию опыта всемирной войны, совпадают во всех частях, и заставляют ее начертать следующий план работ. Прежде всего необходимо обработать краткий очерк всей войны, для потребностей широких кругов армии и народа, который в то же время служил бы канвой для последующих работ Комиссии. На эту работу уже привлечена половина работников Комиссии. Одновременно разрабатывается ряд монографий по отдельным крупным операциям: Томашевская операция, как тип современного встречного боя; 4 армия в Галицийской битве, каковое описание дает картину армии, неудачно завязавшей сражение, расстроенной и принужденной

к отходу, и затем, под новым осторожным и разумным управлением, усиленной резервами, успешно отстаивающей Люблин и в том же сражении переходящей в победоносное наступление; бои на Золочевских высотах и Гнилой Липе, в которых русские войска используют свой численный и моральный перевес над австрийцами для безостановочного наступления к Львову; первое наступление генерала Ренненкампа в Восточную Пруссию—как исполнение наших договорных обязанностей по отношению к Франции, вписавшее блестящие страницы в работу нашей пехоты и артиллерии и выяснившее банкротство нашей конницы, неподготовленной к современной оперативной работе, и недопустимую эгоистичность стратегии вождя 1 армии; Самсоновская катастрофа—постигшая армию, не имевшую крепкой спайки, со сборными, неокрепшими штабами, с управлением, упорствующем в своих ошибках; Лодзинская операция, как период наибольшего нашего нажима на Германию, заставившего ее прервать битву на Изере, отказаться на полтора года от наступательных действий во Франции и повернуться против нас главными силами; Луцкий прорыв—как образец атаки и разгрома неприятельского фронта, стоящий по энергии и исполнению много выше одновременных атак французов и англичан на Сомме; наконец наступление в июне—июле 1917 года, так форсированное Керенским, вопреки состояния нашей армии и отозвавшееся на ней столь болезненно; Рижская операция в августе того же года, на которую не только в широких кругах, но и среди руководителей армии не установилось еще определенного взгляда.

Особое положение от этих монографий, намечающих первую очередь подлежащих исследованию военных операций, ставит другой ряд исследований, также уже начатых Комиссией. Поучительная история франко-русской и других военных конвенций, в связи с обменом мнений между верховным командованием армий согласия и происходившими в Париже, Шантильи и Риме конференциями, будет изложена в оценке давления союзной стратегии на наши операции. Исследование снабжения—его состояния к началу войны, предъявленных армиями во время ее требований и мобилизация нашего тыла, будет составлено виднейшими работниками по артиллерийскому, интендантскому и инженерному снабжению. Наконец, целый ряд вопросов военного искусства, по вопросам маневренного боя, борьбы за укрепленные позиции, эволюций артиллерийской и инженерной техники, употребления самостоятельной и дивизионной конницы, также намечен, как первоочередная работа.

Разрабатывая, таким образом, параллельно, две серии монографий, из коих одна посвящена истории войны в тесном смысле, другая—исследованию подготовки к войне, организации тыла и вопросам военного искусства, Комиссия будет периодически издавать и отдельные сборники трудов, в которых будут заключаться как освещение запросов по военному искусству, выдвигаемых в армии, так и изложение коротких, поучительных боевых эпизодов, на которые натапливаются сотрудники Комиссии в архивах, при выполнении порученных им работ. Сборник будет печатать отзывы о военной литературе, посвященной разработке истории войны, интереснейшие письма и дневники участников войны. Первым является дневник очень достойного русского солдата, рабочего Путиловского завода, Штукатурова, печатание которого начато в настоящем сборнике.

Велика программа трудов Комиссии; трудна обстановка работы, состояние архивов войны только начинает проясняться из хаоса, в который они были повергнуты эвакуациями и беспорядочной свалкой их в едва мыслимые для архива помещения. Но все сотрудники Комиссии принялись за работу в твердой уверенности в том, что они призваны к большому делу и что вся масса участников всемирной войны, все потерявшие в ней дорогих людей и чтущие их память,—будут друзьями Комиссии и помогут ей в ее трудном деле—и присылкой писем, документов, оказавшихся у них случайно дел, давая Комиссии правдивые указания о минувших боях, и откликаясь в печати на работы Комиссии, внося в нее свои поправки, критикуя хотя бы сурово, но не во осуждение, а с целью направить работу на верный путь.

Прусскому генеральному штабу, приступившему к составлению истории войны 1870—1871 гг., приходилось считаться с репутациями дутых героев войны, вроде принца Фридриха-Карла, и надо было опасаться развенчать их в глазах Германии. Поэтому явился завет Мольтке: „правду, только, правду, но не всю правду.“ Нашим же девизом будет—правда, только правда и вся правда.—Истинных героев и мучеников всемирной войны эта правда не развенчает и память их не оскорбит.

А. Свечин.

Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 года.

Общая политическая обстановка 1913 и 1914 годов ясно указывала на возможность вооруженного столкновения между группой Германского союза и группой Английской, так называемого Согласия. Всюду кипела энергичная работа по подготовке к войне, то-же самое делалось и у нас. в частности, многочисленные комиссии проверяли мобилизационную готовность как войск, так и управлений воинских начальников; в войсках молодые солдаты обучались по сокращенным программам и т. д. К числу таких же подготовительных к войне работ относится военная игра командующих войсками округов, сделанная в Киеве с 20 по 24 апреля 1914 года. В основу этой игры были положены наши действительные предположения на случай войны с Австро-Германией, наличная политическая обстановка, данные о возможных противниках, какие на самом деле имелись в Главном Управлении Генерального Штаба, и наконец, к участию в игре привлечены были, за малыми исключениями, те генералы, которые предназначались к занятию должностей командующих армиями, фронтами и соответствующих начальников штабов. В штабе руководителя, военного министра, должны были работать начальники Главных Управлений, а действовать за противника чины Главного Управления Генерального Штаба, которые разрабатывали подготовку соответствующих фронтов. Уже из этих немногих слов видно, что киевская военная игра должна была дать чрезвычайно важные указания по подготовке к войне. Но главнейший ее интерес заключается в том, что она велась непосредственно перед войной, всего за три месяца, а потому является возможность сравнить насколько наши предположения и выводы, добытые игрой, соответствовали действительности.

I.

В основании задания были положены соображения по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами тройственного союза, утвержденные 25 сентября 1913 года. Согласно этим соображениям, политическая обстановка представлялась в случае войны в следующем виде:

Наиболее вероятными противниками нашими на западе являются Германия и Австро-Венгрия.

Что касается Румынии, то, несмотря на несколько изменившееся положение ее в отношении держав Тройственного Союза, тем не менее, при войне на западе, мы все же должны считаться с возможностью неприязненных выступлений ее против нас.

Такое же положение может занять Швеция и особенно Турция. Однако оба эти государства по своему географическому положению не будут в состоянии принять участие в борьбе на главном театре; вероятнее предположить развитие действий на отдельных театрах, вследствие чего потребуются для борьбы с ними выставить отдельные силы.

Одновременно с нами должна была объявить мобилизацию Франция, а затем и Англия, которая могла помочь Франции своим десантом. Наконец можно было ожидать присоединения к Тройственному Согласию Италии и Балканских держав.

В соответствии с этим, Германия могла направить свой главный удар на Францию, которая кончала свою мобилизацию почти одновременно и следовательно раньше могла перейти и к активным действиям.

В этом случае для восточного театра Германия могла уделить относительно небольшие силы, развертывающиеся в В. Пруссии.

Таким образом, в первое время мы могли иметь против себя главного противника в лице Австро-Венгерской армии. Впрочем, и Австрия не могла направить против нас все свои силы, так как ей приходилось считаться с возможностью выступления на стороне держав Сogласия, что уже указывалось, Италии и Балканских государств.

По тем же соображениям и Румыния могла направить против нас не более 3—4 корпусов, считая и резервные части.

Возможна была и иная комбинация, впрочем, менее вероятная, а именно, что Германия направит против нас более значительные силы и таким образом ее армия являлась бы опасным противником.

В обоих случаях главной целью действий являлся разгром Австро-Венгерской армии, а действия против немцев должны были выразиться в обеспечении этой операции, при чем с увеличением сил немцев соответственно и мы должны бы увеличивать свои силы, действующие против них.

Однако, во всяком случае, нам приходилось считаться с нашими обязательствами по отношению к союзникам, притянуть на себя возможно больше сил Германии, дабы облегчить успех на западе. Это же отвлечение сил Германии было необходимо и для обеспечения успеха действий наших южных армий против Австро-Венгрии.

Общее количество войск, которое мы с наибольшей вероятностью могли ожидать против себя на Западном фронте, видно из следующей таблицы:

Государства.	Корпус.	Отдельн. кавалер. дивизий.	Полк. дивиз.		Всего		
			Полк. вых.	Резерв. ных.	Батал.	Эскадр.	Орудий.
Германия	3—6	3	6—12	10—13	194—308	126—159	876—1464
Австро-Венгрия	12—13	11	41—38	6	714—674	380—373	2652—2514
Румыния	3	2	7	4	132	67	557
Итого	18—22	16	54—57	20—23	1040—1114	573—599	4085—4535
			74—80				

Районом первоначального развертывания наших противников можно было считать: для Германии—В. Пруссию, Австро-Венгрии—Восточную Галицию и Румынии—Среднюю или Северную Румынию.

Готовность к переходу в наступление всеми показанными в таблице силами определялась:

Германии—на 13 день утром

Австро-Венгрии—на 16 “

Румынии—при развертывании:

Северной Румынии на 18 день утром

Средней Румынии—на 15 “ “

В свою очередь Россия могла выставить из войск Европейской России и части Кавказских всего:

баталионов—1456

эскадронов—1019

орудий—5294

Отсюда, однако, надо было исключить войска для охраны Петербурга и Черноморского побережья. Тогда мы могли иметь для действий на Западном фронте:

баталионов—1288

эскадронов—945

орудий—4712,

т.-е. в общем мы имели бы в этом случае превосходство в силах на:

174—248 баталионов

346—372 эскадронов (сотен)

177—627 орудий.

Такое превосходство в силах мы могли бы иметь, однако, лишь в том случае, если бы Германия направила свой главный удар на Францию, что хотя и было наиболее вероятным, но не безусловным.

Поэтому, чтобы обеспечить себе еще большее превосходство в силах, мы могли рассчитывать на подвоз более или менее значительных подкреплений с наших восточных окраин. Тогда мы получили бы безусловный перевес в силах при всех комбинациях и имели бы:

1566 батальонов.

1063 эскадрона (сотен).

5708 орудий.

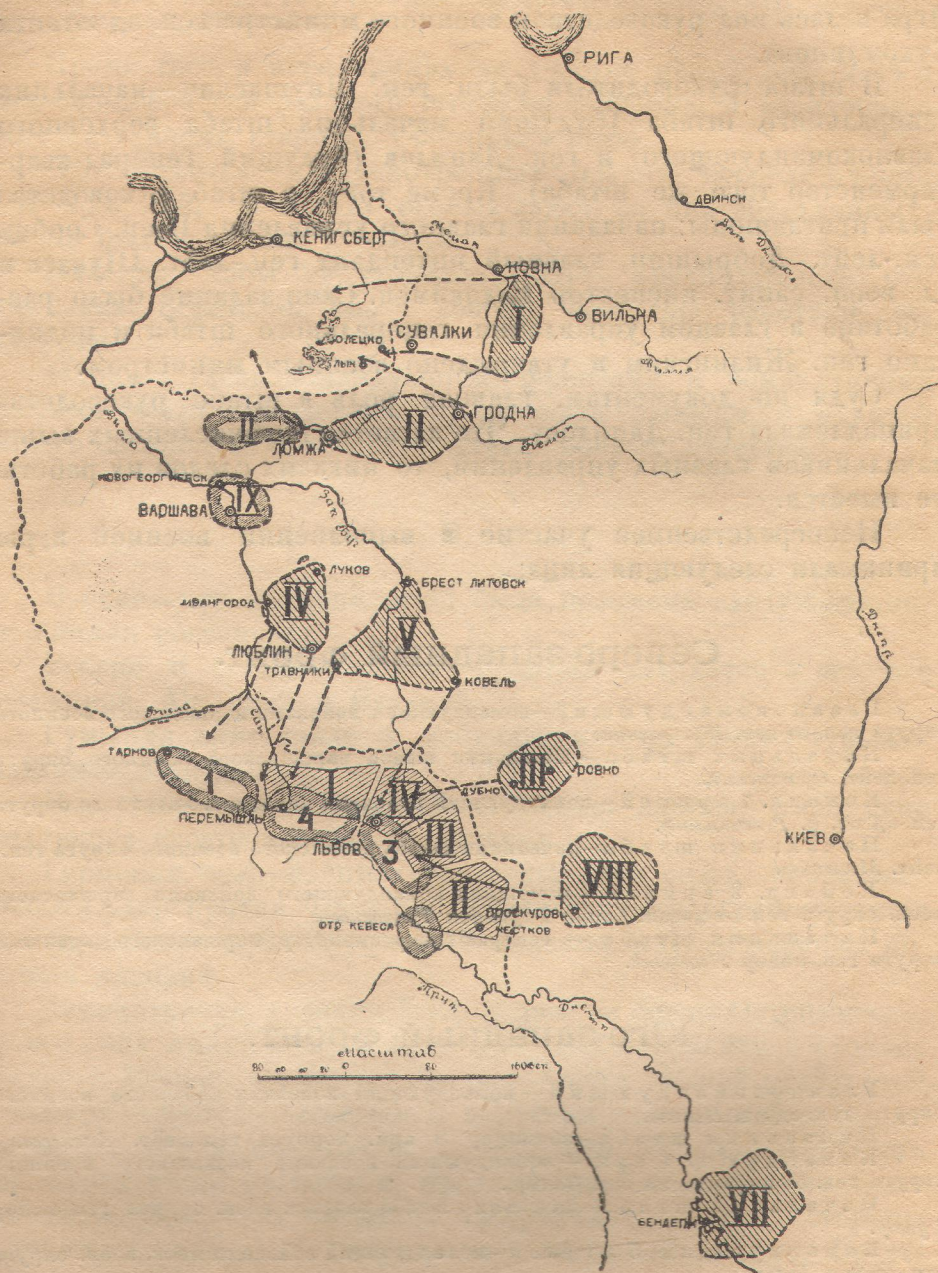
Несмотря на общее превосходство в силах, мы, однако, сильно отставали от наших возможных противников во времени сосредоточения.

Как было уже указано, они могли начать наступление на 16 день, мы же к этому времени могли иметь лишь 50% сил. Полный же сбор всех сил, не считая азиатских корпусов, достигался лишь к 26 дню мобилизации. Наконец, азиатские корпуса достигали линии Смоленск, Брянск, Никитовка в период с 26 по 41 день, и с этой линии могли быть направлены в любой район.

Вот вкратце политическая и стратегическая обстановка к весне 1914 года, которая и была принята в основание для нашего плана сосредоточения, и в частности для киевской игры.

В соответствии с ней, наши вооруженные силы на западной границе распределялись следующим образом. Всего формировалось 8 армий, из коих 1 и 2 составляли северо-западный фронт и предназначались для действий против Германии (В. Пруссии). 4, 5, 3 и 8 армии составляли юго-западный фронт против Австро-Венгрии. 7 армия сосредоточивалась в районе Бендер на случай военных действий про-

тив Румынии и, наконецъ, 6 армия назначалась для охраны Петербурга и побережья Балтийского моря.

На прилагаемой схеме показано расположение армий и их штабов, а стрелками—направление и фронты наступления.

Стратегическая военная игра происходила в Киеве и киевском дворце. Первоначально ее предполагали сделать в марте, но затем окончательно был назначен срок с 20 по 24 апреля. Игра велась под руководством военного министра, ген. ад'ютанта Сухомлинова.

В штабе руководителя были: ген. Янушкевич—начальник генерального штаба (будущий начальник штаба верховного главнокомандующего) и ген. Данилов (будущий генерал-квартирмейстер того же штаба). Кроме того, в штаб руководства были приглашены: начальник главного управления Воен. Сообщ. ген.-лейт. Добрышин, главный интендант ген.-лейт. Шуваев и гл. воен. sanit. инспектор Евдокимов. Само задание было разработано в главном управлении генерального штаба и подписано ген. Жилинским и утверждено военным министром.

Судя по документам, главная роль в штабе руководства принадлежала ген. Данилову. Что касается перечисленных выше начальников главных управлений, то никаких следов их работы не имеется.

Непосредственное участие в выполнении военной игры принимали следующие лица:

Северо-западный фронт.

Главного командующий—командующий войсками варшавского военного округа ген.-от-кав. *Жилинский*.

Начальник штаба—начальник штаба варшавского военного округа ген.-лейт. *Орановский*.

Команд. 1 армией—командующий войсками виленского военного округа ген.-ад'ют. ф. *Рененкамф*.

Начальник штаба—начальник штаба виленского военного округа ген.-лейт. *Милеант*.

Команд. 2 армией—помощник командующего войсками варшавского воен. округа ген.-от-кавал. барон *Рауш-фон Траубенберг*.

Начальник штаба—генерал квартирмейстер варшавского военного округа ген.-майор *Леонтьев*.

Юго-западный фронт.

Главного командующий—командующий войсками киевского военного округа ген.-ад'ют. *Иванов*.

Начальник штаба—командир 8 арм. корпуса ген.-лейт. *Алексеев*.

Командующ. 4 арм.—командующий войсками кавказского военного округа ген.-от-инфантерии бар. *Зальца*.

Начальник штаба—начальник штаба казанск воен. округа ген.-майор *Гурьев*.

Командующий 5 армией—командующий войсками моск. воен. округа ген.-от-кав. *Павлов*.

Начальник штаба—начальник штаба московского военного округа ген.-майор *Миллер*.

Командующий 3 армией—командир XXI арм. корпуса ген.-от-инфант. *Турок*.

Начальник штаба — начальник штаба киевского воен. округа ген. лейт. *В. М. Драгомиров*.

Командующий 8 армией — помощник команд. войсками киевск. воен. окр. ген.-от-инф. *Рузский*.

Начальник штаба — генерал-квартирмейстер штаба киевского воен. округа ген.-майор *Ломновский*.

Кроме того, в игре принимали участие целый ряд штаб-и обер-офицеров генерального штаба по избранию и назначению соответствующих старших участников игры.

Что касается предусмотренных планом сосредоточения 6 и 7 армий, то в виду особых задач, на них возложенных, они не были введены в задание.

Наконец, дабы не усложнять игры, предполагалось, что как планы перевозок, так и вообще весь тыл работают без задержки.

Однако, главнокомандующим фронтами и командующим армиями было предложено представить записки с оценкой общего положения к моменту начала боевых действий.

II.

В основание военной игры была положена следующая политическая обстановка:

Россия и союзная с ней Франция находятся в войне с Германией, Австрией и Италией.

Румыния приступила к мобилизации, но занимает выжидательное положение.

В соответствии с сим, как исходная данная, была дана следующая стратегическая обстановка:

Германия, вынужденная разделить свои силы, направляет главный удар против Франции, вследствие чего ограничивается развертыванием в В. Пруссии 10 полевых и 11 резервных пехотных дивизий.

Демонстрируя к линии Бобр-Нарев на фронт Остроленка—Осовец, она имеет в виду главный удар направить к стороне Среднего Немана на фронт Гродна—Олита. Общей целью этой операции ставится—быстрым и коротким ударом разбить наши неготовые передовые войска на среднем Немане, нарушить тем самым наши расчеты и, притянув на себя возможно большие силы, облегчить операции австрийских армий до стороны Галиции в северном направлении на фронт Седлец-Брест-Кобрин.

Австро-Венгрия, развернув в Галиции, от Ярослава до Черткова, 40 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, имеет

целью семью корпусами (21 дивизия) перейти въ энергичное наступление, направляя их для главного удара на фронт Седлец-Брест-Кобрин и обеспечивая эту операцию остальными силами со стороны войск киевского военного округа.

Первый ход, по нижеследующим соображениям был приурочен к 10 дню мобилизации:

1) не позже как на 9 день мобилизации в штабе верховного главнокомандующего должно быть принято вполне определенное решение, собирать ли главную массу наших сил к северу от Полесья против Германии, или же наоборот,—главную массу сил развернуть к югу от Полесья против Австро-Венгрии;

2) уже на 9 день немцы могут начать наступление против наших армий, развёртываемых на среднем Немане и на Бобр-Нарев, с расчетом на некоторый успех в виду нашей неготовности.

В соответствии с этим, главнокомандующему армиями северо-западного фронта к вечеру 9 дня были даны сведения о начавшемся вторжении немецких сил в Занеманский район, причем было указано, что вверенные ему армии должны остановить это наступление. Что касается обстановки к тому же времени на австрийском фронте, то, в виду более поздней (к вечеру 17 дня мобилизации) готовности австрийских армий, главнокомандующему юго-западным фронтом было предложено выяснить сроки возможного наступления вверенных ему армий, с указанием, что главный удар против австрийцев необходимо направить со стороны южного фронта Варшавского военного округа, а для облегчения этой операции—развить решительные действия армиями, развёртываемыми на киевском фронте.

Главнокомандующий северо-западным фронтом решил, не ожидая окончания нашего развёртывания на среднем Немане, немедленно перейти в решительное наступление обеими армиями одновременно, нанося главный удар в направлении на г. Лык с охватом правого фланга германцев.

Решение это приводило 1 армию, не окончившую еще своего развёртывания впереди среднего Немана, к боям с тремя немецкими корпусами, уже на 12 день, когда 2 армия, наносящая главный удар немцам со стороны Лыка, не могла, по расчету времени, развить своих решительных действий к этому сроку.

Главнокомандующий юго-западным фронтом во исполнение первого хода выяснил, что армии его могут начать наступ-

пление: 8 — на 20 день, 3 и 5 — на 20 день и 4 армия — на 21 день мобилизации.

Принимая во внимание вероятную обстановку, которая складывалась на германском фронте в силу решения, принятого по первому ходу главнокомандующим с.-западного фронта, 2 ход для армий этого фронта был дан к 12 дню мобилизации.

В этот день, как уже было сказано, должны были, по расчету движения обеих сторон, начаться серьезные бои на фронте 1 армии в то время, как 2 армия (три корпуса из 4), направленная на Лык для нанесения главного удара во фланг и тыл немецким корпусам, действовавшим против 1 армии, могла столкнуться с противником лишь на 14 день мобилизации, т. е. двумя днями позднее.

В соответствии с этим и были даны сведения о положении дел на северо-западном фронте к вечеру 2 дня мобилизации.

Решение главнокомандующего армиями северо-западного фронта по второму ходу заключалось в том, чтобы несколько попридержать наступление 1 армии и тем самым дать время 2 армии выйти к Лыку, т. е. выравнять армии в смысле одновременности их действий. Однако решение это, в силу создавшейся обстановки, являлось уже несколько запоздалым и не могло быть приведено в исполнение, так как 1 армия на 12 день была атакована немцами.

Для следующего (третьего) хода была введена данная, что английский десант высадился и направляется на поддержку французским армиям. Это обстоятельство, нарушившее в пользу Франции соотношение сил на франко-германском театре войны, в связи с действиями нашей 2 армии (угроза тылу), вынуждает германцев к постепенному отходу за р. Ангераа, под прикрытием которой начинается перевозка части их сил (3 корпусов), действовавших против наших 1 и 2 армий, на французскую границу для восстановления нарушенного прибытием английских войск необходимого превосходства в силах над французами. Исходя из сказанного, главнокомандующему северо-западным фронтом и была дана обстановка к вечеру 21 дня мобилизации.

Такая обстановка позволила главнокомандующему с.-западным фронтом на следующий же день обеими армиями перейти в энергичное наступление против германцев с охватом их обоих флангов севернее и западнее Мазурских озер, выделив, согласно указанию главной квартиры, из состава своих армий по одному корпусу для направления их на усиление армии

юго-западного фронта, где к этому времени назревала обстановка для нанесения решительного поражения австрийцам.

Для армии юго-западного фронта второй ход был приурочен к 19 дню мобилизации.

К этому времени наступление австрийцев, которые предупреждают нас с окончанием своего развертывания, уже могло обозначиться с достаточной определенностью, при чем ранее других должны были ввязаться в бой: 3 армия, оказавшаяся, по условиям развертывания обеих сторон, в наиболее выдвинутом по отношению к противнику положении, и 8 армия, которая начала наступление на 17 день мобилизации. Исходя из сказанного, обстановка юго-западному фронту была дана к вечеру 18 дня мобилизации.

Главкомандующий армиями юго-западного фронта признал возможным ускорить на один день начало наступления 4 армии; во всем же остальном предположения его, легшие в основу действий против австрийцев и заключавшиеся в нанесении главного удара со стороны южного фронта варшавского военного округа, изменению не подверглись.

К следующему, третьему ходу, который был приурочен к 22 дню мобилизации, обстановка на юго-западном фронте сложилась таким образом:

На киевском фронте австрийцы направили главный удар в Горынский район против 3 армии и даже успели здесь обеспечить себе превосходство в силах, но уже к вечеру 21 дня, когда перешедшая в решительное наступление 8 армия начала выходить на направление, угрожавшее отрезать австрийцев от переправ на Днестре, положение 3 армии, принявшей на себя главный удар, становилось вполне удовлетворительным.

Против наших армий, развернутых на южном фронте варшавского военного округа, австрийцы направили главный удар (3 корпуса — 9 дивизий) по правому берегу западного Буга. Командующий 5 армией, принимая во внимание труднодоступный характер местности района, в который направлялся австрийцами главный удар, предполагал противопоставить ему здесь один корпус (из 3 дивизий), остальные силы своей армии сосредоточить на левом берегу западного Буга для совместных действий с 4 армией, в обход левого фланга австрийцев.

Исходя из сказанного, юго-западному фронту была дана обстановка для третьего хода к вечеру 21 дня мобилизации.

За недостатком времени, результаты маневра 4 и 5 армий, предпринятого ими для нанесения главного удара австрийцам с обходом их левого фланга, не могли быть выяснены.

Несомненно, однако, что с намечавшимся к 25 дню прибытием подкреплений, силою в четыре корпуса (гвардия II, XVIII и VIII), при чем три из них должны были усилить 4 и 5 армии, а VIII корпус — 8 армию, юго-западный фронт получал значительный перевес в силах (6½ дивизий) над австрийцами и получал полную возможность достигнуть решительных над австрийцами успехов.

Такова фактическая сторона стратегической военной игры.

III.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с ходом и отчетом киевской игры, это отсутствие выводов и поучений.

В кратком докладе, представленном 1 мая 1914 года, военный министр говорит: „игра эта дала весьма богатый материал, как по проверке правильности намеченного развертывания и плана ближайших наших действий в случае войны на западной границе, так и по возбуждению и проведению в жизнь новых мероприятий по обеспечению нашей обороноспособности“. Далее говорится, что в ближайшее время будут доложены результаты игры сначала кратко, а затем и более подробно. Действительно, 22 мая 1914 года военный министр представил доклад, в котором изложен ход игры в таком виде, как он описан во II главе настоящей статьи, т. е. одно фактическое изложение событий.

В конце доклада приведено бесцветное заключение. Очень беден материал и других документов. Вот причина, почему приходится говорить не о том, что эта игра дала, а о том, что она могла дать. Справедливость, однако, требует отметить, что для полного использования результатов военной игры, повидимому, не было времени, или об ней просто забыли, в виду быстро надвинувшихся событий.

Кроме того, надо указать, что игра предпринималась для проверки правильности соображений, утвержденных 25 сентября 1913 года (мобилизационное расписание № 20), тогда как вся подготовка к войне велась согласно так называемого, мобилизационного расписания 1910 года. Переделывать все заново, конечно, не было возможности, и, следовательно, нельзя было и использовать результатов игры с достаточной полнотой.

Итак, к каким же выводам пришел военный министр? Лучший ответ дает заключение, изложенное им в конце своего доклада: „произведенная впервые в широком масштабе эта

военная игра несомненно принесла весьма существенную пользу“.

„Прежде всего она дала возможность проверить, при данной политической обстановке, правильность общих соображений при развертывании наших армий при войне с державами Тройственного Союза“.

„В то же время ею удалось выяснить некоторые желательные усовершенствования в деталях развертывания каждой из армий, что даст возможность командующим войсками в округах внести необходимые частные поправки в подготовительные к войне соображения, разрабатываемые в округах“.

„Затем, этой же военной игрой удостоверена необходимость принятия некоторых мер по более обеспеченному переходу от мирного положения к военному, в смысле управления войсками и разделения пограничной территории“.

„Независимо того, лица, принимавшие участие в военной игре, большинство коих предназначается в военное время для занятия высших должностей по управлению армиями, имели полную возможность ознакомиться в целом с условиями развертывания армии на западном фронте, что естественно должно способствовать установлению взаимного понимания и единства во взглядах, проводимых подготовительными к войне работами“. Вот и все, что сказал военный министр о военной игре, происходившей действительно при совершенно новых и непривычных условиях, ибо это был один из первых опытов обучения старших начальников.

Таким образом устанавливается, что собственно разбора игры сделано не было и едва ли кто-либо серьезно принимался за использование ее результатов ¹⁾. Можно думать, что отсутствие разбора проистекало из совершенно особого состава участников, требовавшего деликатного к себе отношения.

Несколько больше указаний можно найти в объяснительных записках, представленных командующим армиями и фронтами, по требованию руководства. К сожалению, эти записки требовались до игры, а не после нея, когда многое стало ясным, и затем для этих записок не была дана общая программа или перечень вопросов. Поэтому они отличаются полным несходством, что крайне затрудняет общий вывод и сравнение.

Большинство записок касается только оценки задания и частной обстановки и лишь доклады ген.-адъютанта Иванова

¹⁾ В делах киевского военного округа есть указания, что выводы военной игры „будут использованы для намечавшейся тогда полевой поездки.“

(нач. штаба ген. Алексеев) и командующего 3. армией ген.-лейт. В. И. Драгомирова дают ответы на все вопросы фронта и тыла.

Красной нитью через большинство докладов проходит настоятельная необходимость не торопиться с началом наступления. Необходимо вполне закончить сосредоточение, устроить тыл и только тогда двигаться. Ген. Иванов говорит, что в виду задачи — решительное наступление в Галицию — необходимо раньше разбить австрийцев, которые мобилизуются скорее нас. Поэтому переход в наступление возможен только, когда все будет готово, ибо необходимо избегать частных неудач, влияющих на построение войск и страны.

Еще более энергично выражается ген. Драгомиров: "...количество собранных войск в общем достаточно для отпора противнику в пыне установленных районах сосредоточения на 19—21 день мобилизации, но состояние тыла таково, что после серьезных боев на рр. Икве и Горыни потребуются вновь серьезная организационная работа по его устройству и пополнению запасов, что может ограничить наше наступление и задержать вторжение вглубь Галиции".

Командующий 1. армией, получив приказание о наступлении также находил, что переход в наступление 1 армии, не закончившей развертывания, вряд ли правилен. Это мнение в дальнейшем подтвердилось, так как торопливое наступление привело 1. армию, не окончившую своего развертывания впереди Среднего Немана, к боям с тремя немецкими корпусами, при чем в этих боях по условиям игры и развертыванию обеих сторон в 1. армии могли действовать лишь 3¹/₄ дивизии из III и IV корпусов.

Стремление как можно скорее наступать проявилось и в действительности. Ставка настойчиво требовала движения вперед даже не дожидаясь конца сосредоточения. Вопросы тыла были, повидимому, забыты. Можно сказать, что в управлении царя, так сказать, кавалерийский масштаб. В целом ряде указаний и телеграмм Ставка проявляла и в действительности большую лихорадочность. Эта нервность поднялась до высшего напряжения после успехов 1. армии. Несмотря на просьбы ген. Самсонова о необходимости отдыха, ген. Жилинский требовал энергичного наступления, и в результате полный разгром. Сами немцы считали наступление ген. Самсонова безумным. 21 августа Биверская станция искрового телеграфа перехватила шифрованную депешу следующего содержания: „адмиралу фон Эссен 2 русская армия, слишком безумно атакующая, уничто-

жена под Таппенбергом. Взято в плен 75 тысяч. Гардемаринов 295“.

Итак, на военной игре, как и в действительности, высшее командование не проявляло достаточно спокойствия и методизма. Наши молниеносные успехи на южном фронте в значительной степени зависели не от комбинаций, а от свойств противника. Торопливо проведенные операции без надлежащего обеспечения тыла не придали им достаточной прочности, что и сказалось в событиях 1915 года.

В этом отношении особое значение имел недостаток снарядов, повидимому, совершенно непонимаемый до грозных указаний в бою. В отчетных работах (Каз. воен. округа) можно было встретить рассуждения, что 300—400 снарядов на орудие совершенно достаточно „по опыту русско-японской войны“. Киевская военная игра показала, что снарядов мало и надо принять чрезвычайные меры для их пополнения. В своей записке ген. Драгомиров говорит, что „на легкое орудие имелось 300 снарядов, т.-е. количество также едва достаточное для тех же боев (первых серьезных), после чего армейские склады иссякнут“. Таково же его мнение и об обеспечении ружейными патронами, которых „едва достаточно для первых серьезных боев“. Это замечание осталось на воздухе и никаких мероприятий не вызвало. Понадобились месяцы и потоки крови, чтобы органы, ведающие снабжением, поняли весь ужас положения, но и тогда они растерянно твердили только о необходимости экономить снаряды и беречь патроны.

Те же записки указывали на недостаток санитарного оборудования. Во всех расчетах, говорит ген. Драгомиров, почему-то была „принята норма средней убыли в 3%, тогда как ожидается убыль до 15—20%“. Действительность подтвердила вывод военной игры. В документах совершенно нет указаний, какое поучение вывел из игры главный военно-санитарный инспектор. Затем указывалось на необходимость обеспечения запасными для пополнения убыли в людях.

Тот же ген. Драгомиров говорит о необходимости увеличить запас, так как расчет в 5% состава совершенно не достаточен.

Вопрос интендантского снабжения остался в игре совершенно открытым, и чины интенданства в работах участия не принимали. Какова была роль главного интенданта—проследить нельзя, но его восторженное отношение к работе чинов интендантского снабжения во время войны указывало, что на игре не было выяснено то, что живо чувствовалось войсковыми началь-

никами. В первый период войны, без всяких сомнений, войска были сыты только благодаря необычайному богатству края. Командиры частей отлично усвоили мысль, что их спасение в довольствии „собственным попечением“, и их сношения с интендантством сводились почти исключительно к переписке и получению денег. Остается только пожалеть, что чины интендантства не принимали участия в игре. Быть-может тогда бы выяснилась необходимость полной перемены самой идеи его существования. Этого, однако, не случилось, и потому мы на войне имели не поставщиков, снабжающих армию, а контрольную организацию.

Современные армии с массой войск и технических средств находятся в полной зависимости от тыла. Никакое число не способно заменить самолетов, автомобилей, орудий, снарядов, проволоки и т. д. Самые доблестные войска не могут работать, когда они не накормлены. Вот почему современный полководец не может предпринимать никаких действий, если его тыл не поспевает за войсками. Надо полагать, что после пережитого кровавого урока всем ясно, что в минувшую войну причины неудач лежат не столько в стратегии и тактике, сколько и в отсутствии организации тыла и особенно в недостатке снарядов. Это обстоятельство заставило дольше остановиться на крайне крупном недочете военной игры—отсутствии работы тыла. При этом условии, следовало организовать тыловую игру, независимо от стратегической.

Из приведенных выше записок можно сделать и некоторые выводы об особенностях характеров участников. Генералы Иванов, Алексеев и Драгомиров представили подробные заключения с очень ценными указаниями. В то же время ген. Жилинский оставил свои „пожелания“ в виде небольшой собственноручной записки. В ней было сказано, что в виду бездорожья (в В. Пруссии!) необходимо придать каждой армии *полесную* железную дорогу в 100 верст. Второе пожелание—иметь в каждой армии для осады крепости Кенигсберг, крепостей на Висле и действий против долговременных укреплений Мазурских озер осадные парки. Эта предвзятая мысль, высказанная на игре, ярко проявилась и с началом войны. Желание заняться Кенигсбергом видно во многих распоряжениях главнокомандующего северо-западным фронтом. Еще не покончив с „живой силой“ германцев, он назначает корпус и второочередные дивизии для осады этой крепости. Даже после разгрома 2. армии ген. Жилинский опять говорит о Кенигсберге. Военная игра указала на такую навязчивую идею ген. Жилинского, но руко-

водство не дало на этот предмет никаких раз'яснений, а игра выводов.

IV.

Выше было указано, что в основу игры легли соображения 1913 г., и что они в жизнь не проводились. Однако это нисколько не умаляет значения выводов ее и по следующим причинам.

Соображения 1912 года (расписание 1910 г.) предусматривали два случая: А) (Австрия)—Германия занята на Западе и выставила относительно небольшие силы в В. Пруссии. Северо-западный фронт бьет немцев и очищает В. Пруссию. Юго-западный фронт наносит решительное поражение австро-венгерской армии, отрезая ее от р. Днестра и г. Кракова.

Г)—(Германия) немцы действуют пассивно против Франции и направляют большие силы против России. В этом случае общая задача: переход в наступление против германских войск, угрожающих нам со стороны В. Пруссии, парализуя действия противника на остальных фронтах.

Согласно же соображениям 1913 года во всех случаях мы направляли главную массу войск на австрийцев, а задача северо-западного фронта сводится к обеспечению этой операции. При этом на случай увеличения против расчетов сил немцев в В. Пруссии мы должны иметь некоторый запас войск уже во время развертывания и, кроме того, иметь в виду возможность дальнейшего их усиления до необходимой численности. В этом и заключается разница со случаем—Г., предусмотренном соображениями 1912 года, при котором увеличивается число армий.

По докладу военного министра, военная игра подтвердила правильность выводов, изложенных в соображениях 1913 года. Казалось бы, что в таком случае надо было немедленно по выяснении, что главный удар немцев направлен на запад, все излишние силы (гвардию, XVІІІ и І арм. корпуса) направить на южный фронт. Обстановка в этом смысле была достаточно ясна уже к 24/25 июля, т.-е. на 7—8 день мобилизации. Вместо этого, в Варшаве было начато формирование новой 9. армии. Ближайшие боевые столкновения показали ошибочность такого распределения сил и потребовали направление гвардии и XVІІІ корпуса в 4. армию.

Так представляется дело при рассмотрении вопроса с теоретической точки зрения; однако есть основание полагать, что верховное командование отчетливо понимало требования обстановки. Повидимому были превходящие причины, заставившие

принять некоторое компромиссное решение, выразившееся в формировании в Варшаве 9. армии. Причины эти—настойчивое требование нашей союзницы возможно более решительных действий именно против Германии. Например, телеграммой 19 июля ¹⁾ наш военный агент в Париже сообщил, что французский военный министр считает, что наиболее желательным для французов направлением нашего удара является направление Варшава-Познань. Телеграммой 7 августа тот же военный агент доносит, что он считает „желательным в виду того, что по соглашению (в мирное время начальников генерального штаба) наши армии должны были начать серьезное наступление с 20 дня мобилизации (6 августа), в случае задержки последнего, дать французам соответствующие объяснения“.

Итак, вывод военной игры о необходимости направления всех свободных сил на юго-западный фронт подтвердился в действительности. Кроме того, соображения 1913 года собственно так мало разнились от случая А, что планы перевозок можно было и не менять. Следовательно более смелое направление войск против Австро-Венгрии не встречало затруднения и с этой стороны.

Переходя теперь к осуществлению планов действий во время игры и на войне, интересно раньше всего выяснить соотношение сил сторон. Для удобства в последующем каждый фронт будет рассматриваться особо.

На игре 1. армия развертывалась на фронте Ковна-Друскеники, 2.—Гродна-Ломжа. Направление их главных ударов было: 1. на Гумбинен, в обход Мазурских озер с севера, а 2. на Лык с целью оказать содействие 1. армии, еще не готовой, слева.

На 9. день 1. армия имела 84 батальона против 93 немецких, а 2. армия—112 батал. против 50 немецких. При таких условиях, отдельное наступление 1. армии на превосходного противника было очень рискованным, тем более, что 2. армия не могла оказать помощи раньше 3—4 дней. Повидимому было бы правильнее 1. армии временно обороняться, выжидая подхода 2. армии.

Не очень улучшилось положение в смысле соотношения сил и к вечеру 11 мая. В этот день 92 батальона 1. армии имели против себя 97 батальонов немцев. Немцы против 2. армии имели 62 батальона. Почти двойное превосходство русских в силах, хотя и давало много шансов на успех, но во времени столкновения на фронте 1. армии, 2. армия опазды-

¹⁾ „Краткий стратегический очерк войны 1914—18 г.“. Над. журн. „Военное Дело“.

вала на 2 перехода и могла быть сильно задержана, вследствие чего 1. армия подвергалась существенной опасности потерпеть отдельное поражение.

Итак, при данном соотношении сил на игре разрозненные действия двух армий Северо-Западного фронта давали возможность более слабым немцам (147—159 батальонов против 196—204 русских) бить противника по частям, и в конечном результате увести на Западный свой фронт два корпуса из В. Пруссии. Следовательно, наступление С-Западного фронта одной из задач,—„отвлечения на себя возможно больших сил немцев“, не выполнило.

С началом военных действий (к вечеру 12 дня) немцы имели войск в В. Пруссии меньше, чем предполагалось на игре, а именно всего 100 полевых батальонов и некоторое количество неготовых ландверных дивизий (4—6). К тому же времени у нас в 1. армии было 96 батальонов 132 эскадрона и в 9. армии, не считая частей у Варшавы и Новогеоргиевска 112 батал. и 96 эскадронов¹⁾. При этом немцы не могли двинуть все свои войска в одном направлении, но должны были занимать одновременно целый ряд пунктов. Таким образом вся немецкая армия была слабее численно каждой из русских.

В силу целого ряда причин высшее командование развернуло 2. армию много западнее, чем это было сделано во время игры, имея в виду прямо направить ее в обход Мазурских озер с запада.

От такого расположения для противника возникла возможность и единственный в такой обстановке способ, это действие по внутренним операционным линиям, т.-е. сперва разбить одного противника, а затем другого. На военной игре ему это почти удалось. Однако соотношение сил в действительности не давало немцам полной надежды на успех. Во всяком случае для крупных активных действий сил у них не было и уделить их куда бы то ни было они не могли.

Таким образом, как на игре, так и в действительности обстановка не требовала немедленного перехода в наступление и во всяком случае до полного изготовления обеих армий Северо-Западного фронта.

Тем не менее, политика и „мода“ на активность толкали армии вперед вопреки их желанию и расчету. Совершенно то же самое было и во время игры и в этом смысле ее выводы использованы не были.

¹⁾ „Краткий стратегический очерк войны 1914—18 г.“ Изд. журнала „Военное дело“.

Как было уже указано во время киевской игры действия армий были мало согласованы, что имело следствием заминку. Такая же несогласованность была проявлена и в действительности. Сперва начинает наступать 1. армия, когда 2. еще не заняла исходного положения. 7 августа 1. армия бьет под Гумбиненом немцев и они поспешно начинают отходить. На перерез им фронт спешно, не считаясь с готовностью и утомлением, двигает 2. армию. Такая торопливость и утомление, при которых движение одного, например, из корпусов не имело вида „строевых частей, а шествие богомольцев“, замотали войска не дали ясно разобраться в обстановке. Согласованность в действиях армий фронта, как и на игре, отсутствовала. В результате полный разгром 2. армии, имевшей 144 батальона против 136 немецких¹⁾.

Согласно предположению во время игры и на основании документальных данных, Австрийская армия развertyвалась между р. Сан (у Ярослава) и Чортковым (40 верст к северу от р. Днестра, где он пересекает нашу границу). Главный удар наносили две средние армии, 4. и 3.; фланговые обеспечивали эту операцию: I у Ярослава — слева, II у Трембовли — справа.

В свою очередь Юго-Западный фронт наносил главный удар с южного фронта варшавского округа 4. и 5. армиями. Остальные две армии, 3. и 8. действовали со стороны Киевского военного округа (на фронте Дубно — Проскуров). Между этими группами образовался промежуток (Ковель — Дубно) в 120 верст, увеличившийся затем до 170 верст. Этот промежуток, куда (по вост. берегу Зап. Буга) направлялось до 9 австрийских дивизий, прикрывался к началу боевых действий одним XVII корпусом.

Соотношение сил на игре было таково:

К вечеру 18 мая батальонов:

	Русские	Австрийцы
На южном фронте Варш. в. окр.	256	296
На киевском фронте	296	261
	552	557

К вечеру 21 мая батальонов:

На южном фронте Варш. в. окр.	280	283 .
На киевском фронте	296	274
	576	557

¹⁾ Не вполне справедливо сравнивать силу русских и немецких армий только по числу батальонов, вследствие вдвое сильнейшей по числу батарей германской артиллерии (редакт.).

Эти цифры указывают, что, предполагая наносить главный удар с южного фронта варшавского военного округа, мы не обеспечили себе здесь достаточного превосходства в силах, и на главном театре были слабее. Не было значительного и общего превосходства в силах, несмотря на то, что весь план действий против австро-германцев основывался на разгроме австрийской армии.

В частности между з. Бугом и Вислой первоначально было 196 батальонов против 187 бат. австрийцев. Это положение было учтено командующим 5. армией, который перевел на западный берег з. Буга два корпуса.

Из изложения хода военной игры уже выяснилось, что успех действий основывался не на ударе группы Варшавского воен. округа, а на действиях 8. армии.

Итак вывод: а) Юго-западный фронт, решавший главную задачу первоначального плана войны, не был доведен до полного превосходства в силах, т.-е. успех не был вполне обеспечен. б) Группа, развертываемая в пределах Варшавского воен. округа, назначавшаяся для главного удара на Юго-зап. фронте, была значительно слабее австрийцев, что уже явно противоречило основной идее всей операции. в) Для обеспечения успеха этой группы понадобилось придать ей еще три корпуса. г) Успех операции был следствием успеха 8. армии, сыгравшей роль назначавшуюся для северной группы.

В действительности группировка противника была несколько иная, что ухудшило наше положение по сравнению с игрой.

Австрийцы сдвинули весь район сосредоточения много к западу и несколько иначе распределили силы по армиям. Благодаря этому на главном направлении у них было всего не 296, а 350 батальонов и 150 эскадронов, а на киевском фронте— до 200 батальонов и 170 эск. в виде заслона. С нашей стороны к началу военных действий ¹⁾ на юге Варшавского округа было 250 батальонов, 132 эскадр. и на киевском фронте 272 батал. 144 эскадрона. Всего, следовательно, мы имели на Юго-западном фронте 528 батал.; 276 эскадр, против 557 батал. и 320 эскадронов. Отсюда видно, что повторилось то же соотношение сил, что и на киевской игре, а именно: ко дню наступления на главном направлении Юго-западного фронта мы сосредоточили на 100 батальонов меньше австрийцев. В то же время на киевском фронте мы были почти настолько же сильнее их.

Перемещение района сосредоточения австрийской армии к западу приводило к полной возможности охвата правого фланга

¹⁾ Все расчеты сделаны, имея в виду и левый берег р. Вислы.

Юго-западного фронта. Это было тем более вероятно, что австрийцы имели здесь большое превосходство в силах.

Из только что сказанного видно, что в действительности с нашей стороны при первоначальном развертывании и с началом наступления было повторено буквально то же самое, что и на военной игре. Распределение сил не соответствовало главной идее первоначального плана действий, ибо за Юго-западным фронтом не был обеспечен достаточный численный перевес. Военная игра выяснила необходимость усиления группы Варшавского военного округа еще 3—4 корпусами. Этого сделано не было, хотя у Варшавы такие корпуса имелись. События вынудили подтянуть эти корпуса к 4. армии при риске возможного поражения и неудач первого наступления 4. и 5. армий на превосходного противника.

На игре, в своем обстоятельном докладе, ген. Иванов говорит о необходимости не торопиться с наступлением, дабы избежать первых неудач. Совершенно то же он повторял и перед движением Юго-западного фронта в августе 1914 года и, тем не менее, Ставка настаивала на немедленном и скорейшем наступлении.

Наконец, совершенно так же, как и на игре, выяснилась роль 8. армии, которая благодаря перевесу сил сразу же достигла значительного успеха и ее движение приобрело значение главного удара.

Вот те поучения, которые можно извлечь из сопоставления выводов киевской военной игры с событиями первого периода войны. Не подлежит сомнению, что теперь, когда есть возможность все обдумать совершенно спокойно, когда события отошли на историческое расстояние, оценка их не встречает особых затруднений. Поэтому, настоящий очерк не имеет в виду кого либо обвинять или опорочивать. Но из кровавых уроков прошлого необходимо извлечь возможно больше, дабы избежать повторения тех же недочетов в будущем. В действительности решения принимаются под влиянием целого ряда причин, которые легко могут быть упущены историком. Как, например, учесть влияние политики, особенностей характера действующих лиц и их предварительной службы, а последнее сыграло не малую роль в первой работе Ставки и Северо-западного фронта.

В этом очерке отмечена лишь возможность не использовать чрезвычайно важные выводы киевской военной игры, чего сделано не было.

А. Н. Суворов.

Гибель дивизии Корнилова.

Введение. Обстановка. Описание боевых действий. Уничтожение дивизии и создание из этого подвига. Причины катастрофы. Бегство Корнилова из плена.

Действия 48 пехотной дивизии, в дни 21—24 апреля 1915 года, являются одним из самых поучительных эпизодов последней войны, как вследствие того, что в них с особой наглядностью обнаружился основной недостаток русской армии—неумение управлять войсками, так и по той причине, что начальником дивизии был генерал Корнилов, впоследствии столь нашумевший в России.

„Комиссия по исследованию и использованию опыта войны“ предполагает посвятить этому эпизоду особую монографию, но так как, при современном состоянии архивов, представляется невозможным собрать все необходимые для последней материалы, то решено пока ограничиться печатаемым ниже кратким очерком.

Несомненно, что найденные впоследствии документы установят новые факты, исправят возможные ошибки, расширят и углубят исследование, но изменить его по существу они будут не в состоянии, потому, что в этом отношении вопрос уже выяснен имеющимися материалами ¹⁾.

¹⁾ При составлении этого очерка в нашем распоряжении был рапорт командира XXIV корпуса Цурикова командирующей третьей армией, от 9 июля 1915 г. за № 5964, с приложенными к нему: 1) расследованием о потере артиллерии и 2) отчетом «Боевые действия XXIV армейского корпуса и приданных ему частей с 20 по 28 апреля 1915 года».

Приложения 3, 4, 5, 6, 7 и 8 к рапорту Цурикова и материалы, приложенные к упомянутому отчету, утеряны.

В своем рапорте и подробном отчете Цуриков старается доказать, что в гибели 48 дивизии повинен, главным образом, ее начальник Корнилов и отчасти командующий армией Радко-Дмитриев, слишком поздно отдавший приказ об отходе. На полях отчета имеются многочисленные пометки, сделанные Радко-Дмитриевым, которые дополняют это одностороннее освещение.

Расследование о потере орудий, произведенное начальником артиллерии корпуса Волковским, составлено весьма обстоятельно, с приложением двух планов и нескольких весьма важных полевых записок, но, к сожалению, в нем не хватает описания самого захвата батарей неприятелем. Вероятно, этот лист вырван.

По приказанию главнокомандующего западного фронта все перечисленные документы были, 15 октября 1916 г. за № 2283/1813 6, направлены к Корнилову с просьбой дать „свои объяснения о действиях 48 дивизии“.

В ответ на это Корнилов, в августе 1917 года, приказал послать Алексееву: „В собственноручно написанный бывшим начальником штаба дивизии Кисловым

В середине апреля 1915 года германские и австрийские войска, под общим руководством Макензена, разгромили главные силы русской третьей армии Радко-Дмитриева, занимавшие укрепленные позиции на Дунайце, между Вислой и Карпатами, фронтом на Краков.

После этой победы союзники перешли в энергичное наступление по операционному направлению Перемышль-Львов, то есть во фланг и тыл тем русским корпусам, которые были растянуты по северному склону главного Карпатского хребта от прохода Дукла до прохода Вышков.

Верстах в тридцати юго-западнее м. Дукла был расположен на укрепленных позициях в гористой местности XXIV корпус, под начальством генерала Цурикова: 49. дивизия от Вярхне до Речетовки и 48. дивизия от Речетовки до Чернины. Справа к этому корпусу примыкал, отступивший от Дунайца, сильно пострадавший X корпус, а слева—XII корпус.

В частности 48. пехотная дивизия, под командой Корнилова, составлявшая левый боевой участок XXIV корпуса, была расположена в следующем порядке: на правом фланге 190 Очаковский полк, в центре 189 Измаильский и 192 Рымникский полки и на левом фланге 191 Ларго-Кагульский полк.

За правым флангом у д. Комлоспотак стояла 2. батарея 48. бригады; за центром находились—у д. Жемельние 4, 5 и 6 батареи и взвод 2. батареи 24 мортирного дивизиона, у д. Чягла 3. батарея и взвод мортирной батареи; за левым флангом, между деревнями Кискурима и Фельсеодор,—1. батарея и взвод мортирной батареи.

Вся позиция 48. дивизии имела протяжение около восемнадцати верст.

На случай отступления с этой позиции было назначено, отходившее от правого фланга шоссе: Зборо, Альсопагони, Оженна, Жидовска, Кремнна, Конты, Змигрод. На участке от Кремппы до Змигорода это шоссе было также путем отступления 49. дивизии. За левым флангом позиции находилось прежнее шоссе: Свидник, проход Дукла, Тилова, Тржициана, м. Дукла, предоставленное приказом по армии XII корпусу (12 Сибирской стрелковой дивизии).

отчет—„боевые действия 48 пехотной дивизии с 21 по 24 апреля 1915 года“, ниже не подписанный, и 2) письмо того же Кислова к Корнилову от 4 мая 1917 года. Отчет освещает вопрос с другой стороны, стремясь опровергнуть заводимые обвинения и, наоборот, показать, что во всем виноват командир корпуса Цуриков и начальник 49 дивизии Праслов. В этом отношении письмо вносит значительный корректив. В обоих документах встречаются некоторые неточности во времени. Действия 24 апреля изложены весьма кратко по той причине, что в этот день, исполняя особое поручение, Кислов был тяжело ранен.

город. От Хирова до Ивли дорога шла по узкому дефиле с очень крутым подъемом.

Штаб корпуса и штаб дивизии были расположены в одном пункте с. Граб, что весьма облегчало управление. На это обстоятельство следует обратить внимание, так как в отчете 48 дивизии встречаются жалобы на недостаточную ориентировку со стороны командира корпуса. Если даже допустить, что Пуриков не все имевшиеся сведения сообщал Корнилову, то при постоянном общении двух штабов, живших в одной деревне, нетрудно было узнать все нужное.

Тут необходимо, хоть в немногих словах, охарактеризовать главного участника описываемых событий Корнилова, без чего были бы непонятны некоторые факты. Это был генерал без широкого кругозора, но лично очень храбрый и не боявшийся ответственности. Самонадеянный, болезненно-самолюбивый и упрямый, он не признавал боевого авторитета своего корпусного командира Пурикова и с величайшим пренебрежением относился к своему соседу начальнику 49 дивизии Пряслову. В оценке военной обстановки Корнилов вообще отличался большим оптимизмом, что объясняется, как присущей ему смелостью и сопровождавшим его пока счастьем, так и тем, что до сих пор ему приходилось действовать лишь против австрийцев.

Около полудня 21 апреля (4 мая) Пуриков получил телеграмму от штаба армии, в которой сообщалось, что противник сильно напирает на X корпус, и что если ему придется отойти, то XXIV корпусу будет приказано занять позицию от Самоклески через Кремну до высоты Студеный Верх, а XII корпусу — на линии Студеный Верх, проход Дукла, Шуко.

Получив это предупреждение, командир корпуса сначала дал соответствующие словесные указания, а затем в 15 ч. 30 м. разослал предварительный приказ об отходе, коим предписывалось, по получении особого распоряжения, 49. дивизии отойти на линию Самоклески—Мисдова, а 48. дивизии—на линию Мисдова—Студеный Верх. При этом указывалось последней дивизии: часть артиллерии, парков и госпиталей „по возможности отправлять по шоссе Свидник-Тилова, по соглашению с начальником 12. Сибирской стрелковой дивизии“, а оттуда в тыл назначенной позиции.

Как видно, это указание было изложено в форме недостаточно точной и определенной: раньше, чем отдавать приказ, штаб корпуса должен был сам войти в соглашение со штабом 12. Сибирской дивизии, или еще лучше со штабом XII корпуса,

а добавление слов „по возможности“ очевидно ослабляло силу приказа.

Во всяком случае, получив этот приказ, Корнилов должен был тотчас же назначить части, посылаемые на Свидник, и приказать им приготовиться к выступлению по первому требованию. Затем, все остальные тяжелые обозы и в особенности оставшиеся артиллерийские парки следовало немедленно двинуть в тыл, дабы они заблаговременно прошли трудный участок дороги Поляны — Хиров. Ничего этого сделано не было.

За день положение на правом фланге XXIV корпуса значительно ухудшилось: войска X корпуса отступили в северо-восточном направлении, вследствие чего между корпусами образовался прорыв и путь на Змигород с запада был открыт.

Наконец в исходе одиннадцатого часа вечера было получено из штаба армии словесное приказание: XXIV корпусу, в полночь с 21 на 22 апреля (4—5/V), начать отход на линию Самоклески-Студеный Верх. Это распоряжение было немедленно передано в дивизии, при чем сообразно изменившейся обстановке (в дополнение к предварительному приказу) предписывалось: во-первых, 48. дивизии выделить один полк в корпусный резерв, в д. Ивля, дабы прикрыть опасное направление Змигород-Дукла, выведившее в тыл корпуса, и во-вторых, 49. дивизии направить свою артиллерию и парки, не по прежнему пути отступления через Кремпну на Змигород, а „возможно восточнее“.

Первое из этих приказаний, несмотря на то, что „была подчеркнута настоятельная необходимость выделить этот полк с возможной скоростью“, по неизвестной причине, не было исполнено Корниловым, что же касается второго приказания, то оно было опять-таки отдано в той неточной форме, которая совершенно не допустима в боевом приказе, особенно столь серьезного значения. Путь отхода целой артиллерийской бригады с ее парками должен быть указан с полной точностью и тут нельзя отделяться неопределенными словами „возможно восточнее“. Сверх того, штаб корпуса должен был знать, что к востоку от шоссе Кремпна-Змигород не было дорог, пригодных для движения артиллерии, кроме дороги Кремпна, Поляны, Хиров, весьма плохой и уже назначенной для отступления 48. дивизии. Следовательно, в приказе по корпусу надлежало назвать эту дорогу и установить порядок ее прохождения для обеих дивизий.

С другой стороны приведенное обстоятельство должно было побудить Корнилова возможно шире использовать, указанное ему в предварительном приказе, шоссе Свидник-Тилова.

Выход на это шоссе облегчался тем, что в шести верстах позади позиции пролегалo поперечное шоссе Альсопагони, Фельсеедор, Свидник, и что неприятель, теснивший 49. дивизию и угрожавший обойти правый фланг корпуса, почти совершенно не тревожил 48. дивизию и примыкавший к ней XII корпус.

Тем не менее Корнилов направил по шоссе Свидник-Тилова всего лишь четыре батареи, дивизионный лазарет и передовой санитарный отряд Родзянко.

В отчете 48. дивизии сказано, что послать по этому пути артиллерийские парки было невозможно, так как им пришлось бы двигаться сначала с севера на юг навстречу отходившим войскам; но паркам, стоявшим в деревнях Граб, Жидовска и Добешин, нужно было пройти с севера на юг сравнительно небольшое расстояние, а между тем полки дивизии начали фактически отходить с позиции только на рассвете.

Другое возражение, приводимое в том же отчете, что нельзя было загромождать дорогу, принадлежавшую 12. сибирской дивизии, конечно, имеет свои основания, но нельзя упускать из виду, что отступление происходило при исключительных условиях. Во всяком случае выгоднее было несколько загромождать обозами хорошее шоссе Свидник-Тилова, отходившее от левого фланга, который неприятель совершенно не беспокоил, чем производить скопление обозов на плохой грунтовой дороге Кремина-Поляны-Хиров, на правом фланге, теснимом и обходимом неприятелем.

В действительности, из частей, посланных Корниловым, четыре батареи не успели воспользоваться путем Свидник-Тилова и по этому шоссе прошли лишь дивизионный лазарет и передовой санитарный отряд Родзянко.

Причины неисполнения приказа выяснены в расследовании о потере артиллерии, откуда взяты приводимые ниже факты.

Для движения на Свидник-Тилаву были назначены батареи I дивизиона 48. бригады и мортирная батарея, разбросанные по всему фронту дивизии, при чем предполагалось сначала собрать их у д. Фельсеедор. Начальником этой колонны был назначен командир мортирного дивизиона полковник Трофимов, который узнал о своем назначении из приказа по дивизии, переданного адъютантом Ларго-Кагульского полка по телефону только в 2 ч. 5 м. утра.

В приказе говорилось, что следует выступить „с получения сего“, но так как в это время на сборный пункт у д. Фельсеедор прибыли лишь 1. батарея и один мортирный взвод, то

Трофимов послал двух разведчиков навстречу другим батареям и мортирным взводам с приказанием идти на рысях, кратчайшей дорогой в д. Фельсеодор.

Расположенные на позиции у д. Чигла 3. батарея и мортирный взвод получили приказание двинуться в Фельсеодор от командира Рымникского полка около часу ночи. „О том, куда и под чьей командой они должны следовать дальше, им не сообщили“. Следуя по дороге через д. Черес, они прибыли на сборный пункт у Фельсеодора около 4 ч. утра.

Мортирный взвод, находившийся близ д. Жемельние, почему-то в Фельсеодор не пошел, а присоединился ко 2. дивизиону 48. бригады.

Стоявшая у Комлоспотака 2. батарея снялась с позиции еще в 22 ч., но была остановлена командиром Очаковского полка, после чего в 23 ч., она продолжала движение по дороге, указанной адъютантом командира пехотной бригады Поповича-Липовац, через Ондавку и Варадку на Альсопагони, где она должна была ожидать дальнейших распоряжений через батарейный резерв 6 батареи. Не найдя последнего, она остановилась, пока не получила приказа через разведчика, посланного полковником Трофимовым. Батарея прибыла в д. Фельсеодор в шестом часу утра.

Между тем, около 3½ ч. утра полковник Трофимов спрашивал у начальника дивизии разрешения отправить на Свидник 1. батарею и мортирный взвод, не дожидаясь остальных батарей и мортирных взводов, но получил ответ, что следует еще подождать.

Около 4 ч. утра полковник Трофимов получил через начальника штаба приказ начальника дивизии такого содержания: в виду того, что время упущено, колонну артиллерии следует немедленно направить через д.д. Кескоч, Оженна, Цихания, Кремппа и Поляны до д. Мшана.

Вследствие этого, 1. и 3. батареи и два мортирных взвода двинулись по указанному пути и около полудня прибыли к д. Поляны; 2. батарея, придя в Фельсеодор в шестом часу утра, пошла вслед за ними, но от Цихания свернула по крачайшей дороге и прибыла в Поляны также к 12 ч. дня.

Приведенные факты, не нуждающиеся в комментариях, показывают, что приказ о движении артиллерии по шоссе Свидник-Тилава не был исполнен единственно лишь вследствие беспорядка в управлении войсками.

Что касается II. дивизиона, то 4 и 5. батареи, с примкнувшим к ним мортирным взводом, получив приказание от Попо-

вичи-Липовац около 2¹/₂ ч. утра, двинулись через полчаса по дороге Альсопагони, Оженна, Кремина и прибыли к д. Поляны в полдень; 6. батарея, назначенная в аррьергард с Измаильским полком, присоединилась к своей бригаде позже, около 14 ч., пройдя по прямому пути Цихания-Поляны.

Таким образом все батареи 48. дивизии собрались у Поляны Сюда же в разное время подошли: 2. парк мортирного дивизиона из д. Граб, 1. парк 48. парковой бригады из д. Добешин, 2. парк из д. Жидовска и взвод 3. парка из д. Конты.

Дальнейшее движение этой артиллерийской массы задерживалось батареями и тремя парками 49. дивизии, чрезвычайно медленно проходившими по топкой дороге Поляны-Хиров. В отчете 48. дивизии говорится: „Нечеловеческие усилия саперной роты и рабочих загатить названное болото давали незначительные результаты, так как срубленные деревья тонули в пучине болота отдвигающихся тяжелых повозок парков, орудий, зарядных ящиков“.

Очевидно, гать следовало устроить раньше, для чего имелось: около трех месяцев времени, саперная рота и лес, росший по самым краям дороги.

К 15 час. полки 48. дивизии заняли позицию от д. Мисцова, по высотам 585—542—605, до горы Студеный Верх. Генерал Корнилов со штабом находился в д. Поляны.

Расположенный левее XII корпус также беспрепятственно отошел на указанную ему линию Студеный Верх, проход Дукла, Шуко.

Что касается 49. дивизии, составлявшей правый боевой участок XXIV корпуса, то она отступала при гораздо более трудных условиях, все время охватываемая справа неприятелем. Около полудня германские войска заняли Змигород, вследствие чего Цуриков, не рассчитывая продвинуть свой правый фланг до д. Самоклески, приказал подать его назад к д. Садки, в двух верстах северо-восточнее Змигорода.

О положении дел на правом участке Корнилов имел лишь отрывочные и случайные сведения, что объясняется отсутствием надлежащей связи со штабами 49. дивизии и корпуса.

По поводу связи с соседней дивизией Корнилов в дивизионном отчете говорит: „Непосредственной связи с начальником 49. дивизии у меня не было“.

В своем письме к Корнилову Кислов признается: „я виноват тем, что не послал в 49. дивизию, хотя бы и вопреки вашего распоряжения, одного из офицеров штаба дивизии, или от артиллерии“.

Из этой фразы следует, что Корнилов даже воспретил посылать в соседний штаб офицера для связи, хотя последнее рекомендуется, как тактикой, так и полевым уставом.

Относительно связи со штабом корпуса в отчете 48. дивизии сказано: „В д. Хиров начальником штаба дивизии был командирован офицер, заведывающий службой связи в дивизии, для отыскания телефонной станции штаба корпуса и постов летучей почты, как то было обещано выставить штабом корпуса; но, к сожалению, таковых не нашлось и связь с командиром корпуса, который, согласно приказа по корпусу, должен был быть в Кросно, нарушилась“.

В действительности, как видно из отчета XXIV корпуса, Цуриков не находился в Кросно, а за день вместе с своим штабом переменил целый ряд пунктов. До 2 час. ночи (с 21 на 22 апреля—4—5/V) он оставался в д. Граб, из коей переехал в Кремпну, а в 7 час. утра прибыл в Ивлю; отсюда он перебрался на Лысую гору, затем—на высоту 640 и наконец—на высоту 566. В 11 час. утра командир корпуса направился обратно в Ивлю, где случайно встретил начальника 49. дивизии Прясллова, доложившего, что его войска уже подходят к указанной им линии. Переговорив с ним, Цуриков, вместе с прибывшим командиром XII корпуса Лешом, поехал в м. Дуклу.

Здесь, путем переговоров по телефону со штабом армии, ему удалось выяснить, что для заполнения прорыва, образовавшегося между X и XXIV корпусами, направлено десять батальонов III Сибирского корпуса. После такого успокоительного известия Цуриков „счел своевременным переехать в Кросно“, куда около 5 час. пополудни отправился со всем штабом на автомобилях, по шоссе через Мейсце-Пястове. Однако, отъехав от Дуклы не более версты, он стал встречать возвращавшиеся обратно на рысях обозы и транспорты. Оказалось, что небольшой отряд противника, пройдя восточнее Змигорода, проник до Кобилян, где выставил батарею и взял под огонь шоссе Дукла, Мейсце-Пястове.

Цуриков вернулся в Дуклу и, вызвав с большим трудом к телефону генерал-квартирмейстера штаба армии, указал ему на необходимость немедленного отвода корпуса, на что в восьмом часу вечера получил ответ: „корпусу отходить и занять позиции на фронте Педличе-Риманов-Сенява; отход начать сегодня в 8 ч. вечера“.

Тотчас же командир корпуса направился по шоссе Дукла-Змигород „на розыски оставленного в полдень в Ивле штаба 49. пехотной дивизии“.

Из приведенных фактов следует, что Цуриков, сопровождаемый штабом, весь день 22 апреля (5/V) провел в разъездах. В своем отчете он вменяет себе в особую заслугу такую „подвижность“, называя ее „тесным общением с войсками“; но несомненно, что подобный способ управления весьма неудобен, особенно для больших войсковых соединений.

Командир корпуса должен выбрать для своего пребывания наиболее выгодный пункт, а начальник штаба обязан организовать связь этого пункта со своими дивизиями, соседними корпусами и штабом армии; если же необходимость заставит командира корпуса переехать в другое место, то должны быть приняты меры для пересылки без задержки всех приказаний и донесений. Таковы общеизвестные правила, которые были нарушены в XXIV корпусе.

Выехав из Дуклы в двадцатом часу, Цуриков нашел штаб 49. дивизии в Теодоровке и здесь в 20 ч. 15 мин. отдал приказ о немедленном отступлении: 49. дивизии — на линию Иедличе-Рог и 48. дивизии — на линию Рог-Сенява.

Один экземпляр этого приказа он лично вручил Пряслову, а другой экземпляр послал с офицером-ординарцем в Хиров, где предполагался штаб 48. дивизии.

После этого, не дождавшись даже извещения о получении Корниловым столь важного документа и считая, что сделано все „что только в силах и разуме человеческом“, командир корпуса с чинами штаба сел в автомобили и около 9 час. вечера выехал по шоссе через Дуклу, Яслиску и Римаков в Кросно. Командующему армией он послал донесение о благополучном выходе корпуса из гор и в тот же вечер получил по телеграфу его благодарность.

На самом деле кризис только назревал. Для выхода из создавшегося трудного положения нужно было тщательно организовать отступательный марш корпуса и в особенности так урегулировать отход обеих дивизий, чтобы они, помогая друг другу, не подвергались опасности отдельного поражения.

Между тем, указанный выше краткий приказ передавал всю организацию дела в руки начальников дивизий, как известно даже неподдерживавших между собою связи, а преждевременный переезд командира корпуса в Кросно лишил его возможности руководить войсками при самом выполнении отступательного марша.

Приказ об отходе на линию Рог-Сенява был получен Корниловым в 22 ч. — Условия, при коих приходилось

совершать этот отход, в общем, сводились к тому, что войска германского корпуса Эммиха, занявшие Змигород, теснили и обходили справа 49. дивизию, обстреливая артиллерией шоссе из Дуклы в Кросно, а на фронте 48. дивизии и XII корпуса части австрийской армии Бороевича, выжидая результата обходного движения немцев, пока лишь наблюдали за передвижением наших войск. План неприятеля, который нетрудно было разгадать, заключался в том, чтобы окружить русские корпуса стоявшие в Карпатах в районе Дуклы. При подобной обстановке следовало не только спешить с отходом, воспользовавшись ночью, но и по возможности избрать пути, проходившие вне ударов обходившего противника.

Из района, занятого 48. дивизией, к новому фронту Роги-Сенява вело прекрасное шоссе Тилова, Яслиска, Римаков. В ночь с 22 на 23 апреля (5—6/V) это шоссе было прикрыто расположением XII корпуса; днем 23 апреля оно было также свободно, что неопровержимо доказывается движением 3. парка 49. парковой артиллерийской бригады, который, следуя из м. Дуклы, имел большой привал от 8 до 11 час. утра у д. Далиова, после чего выступил дальше и прибыл в Римаков в 15^{1/2} час. 23 апреля. Кроме того, из района 48. дивизии к фронту Роги-Сенява вела еще грунтовая дорога, отделявшаяся от шоссе Дукла-Тилова у Тржицианы и проходившая через Завадку-Римаковску и Любатову на Ивонич, которой, как мы увидим впоследствии, воспользовался Ларго-Кагульский полк. Между этой дорогой и шоссе Яслиска—Римаков, несомненно, имелись еще другие пути, годные для движения пехоты.

Таким образом, 48. дивизия имела полную возможность отойти быстро, несколькими колоннами, отправив артиллерию и тяжелые обозы с соответствующим прикрытием по шоссе.

Между тем, для движения было выбрано самое опасное направление от Хирова через Ивлю и Дуклу. Из отчета 48. дивизии видно, что Корнилов совершенно неверно оценивал обстановку: в то время, когда нужно было возможно быстрее вывести войска из образовавшегося мешка, он предавался иллюзиям об общем переходе в наступление, пока же полагал, что 48. дивизия, двигаясь от Хирова на Ивлю и Дуклу, будет иметь возможность действовать во фланг противнику „в случае, если бы он потеснил 49. дивизию“.

Такой неумеренный оптимизм, не желавший считаться с обстановкой, однажды (под Гродеком) уже привел 48. дивизию к потере почти всей ее артиллерии, а другой раз во время экспедиции за Карпаты к Гомонне едва не погубил ее совершенно.

К неправильному выбору направления присоединилась потеря времени.

Получив приказ по корпусу в 22 час., Корнилов только в 2 часа пополудни отдал соответствующий приказ по дивизии. Согласно этого приказа, обозы первого разряда Измаильского, Очаковского и Рымникского полков должны были двинуться тотчас же из Хирова на Ивлю, а оттуда по шоссе через Дуклу на Ивонич и Римаков. Рымникскому полку с 1. батареей 48. бригады было приказано немедленно выступить из Хирова, и, заняв высоты 583—494—421 к западу и северу от д. Ивли, образовать „заслон“ для прикрытия движения Измаильского и Очаковского полков со всей остальной артиллерией, коим предписывалось тронуться из Хирова в 3 часа утра и следовать через Ивлю, Дуклу, Ясионку и Люботовку ¹⁾ на Ивонич.

По объяснению Корнилова назначить выступление главных сил раньше этого было нельзя по той причине, что только к 3—4 час. утра можно было ожидать прибытия к Хирову четырех батарей, застрявших на дороге Поляны—Хиров. Мы видели, что артиллерия собралась у д. Поляны около полудня 22 апреля (5/V), следовательно, на прохождение шести верст до Хирова ей понадобилось пятнадцать часов!!

Дарго-Кагульскому полку, занимавшему позицию на высоте Студеный Верх, Корнилов приказал выступить в 3 часа утра и двигаться к м. Дукла, где присоединиться к дивизии.

Теперь посмотрим, как был выполнен этот приказ.

Обоз первого разряда тронулся из Хирова в 3 часа утра и, пройдя через Ивлю, около которой еще не было неприятеля, в 6 час. утра подошел к м. Дукла. Так как шоссе из Дуклы в Мейсце-Пястове обстреливалось артиллерийским огнем, то обоз свернул на Ясионку и через д. Люботовку благополучно прибыл в Ивонич, потеряв всего семь повозок, разбитых на походе снарядами противника.

По этому поводу на отчете XXIV корпуса Радко Дмитриев положил резолюцию: „характерно, что обозы могли выйти, а боевой элемент дивизии дал себя окружить“.

Рымникский полк выступил от Хирова только в 5 час. утра, на три часа позже назначенного времени, что командир полка Петровский объяснил утомлением людей. Трудно себе представить такое утомление, которое бы помешало, если не всему полку, то хотя бы части его, пройти в решительный момент от двух до четырех верст для занятия указанных высот.

¹⁾ Деревня Люботовка, которую не следует смешивать с Люботова, находится в 2 верстах к северу от Ясионки. На схеме она обозначена, но не подписана.

Впрочем, если бы Корнилов выполнил, отданный еще вечером 21 апреля (4/V), приказ командира корпуса о выделении одного полка в корпусный резерв к д. Ивля, то возможно, что в заслоне Рымникского полка даже не встретилось бы надобности.

Тем временем германские войска, шедшие за отходившими частями 49. дивизии, успели занять высоты 421 и 534 к северу и северо-востоку от д. Ивля. Когда рымникцы показались из этой деревни, то немцы неожиданно встретили их пулеметным огнем, а немецкая тяжелая и легкая артиллерия стала обстреливать походную колоңну дивизии, двигавшуюся по узкому дефиле от Хирова.

„В виду внезапности огня и сильного поражения колонны, вытянутой на дороге Ивля—Хиров, среди нижних чинов произошло замешательство. Многие повозки обозов бросились назад, некоторые в сторону от шоссе, стали переворачиваться, валились в овраги и промоины, находившиеся по сторонам дороги; пехота также бросилась в стороны, частью назад в прилегающие овраги“¹⁾.

Местность не давала возможности развернуть всю артиллерию, а снявшиеся с передков к югу от Ивли взвод 1. батареи 48. бригады и взвод мортирной батареи были тотчас же подбиты. Корнилов, вместе с начальником штаба, выехал для разведки на северную окраину д. Ивли, при чем был слегка ранен пулей в руку²⁾.

Определив силы немцев около бригады, он приказал Рымникскому полку, двум батальонам Очаковского и одному батальону Измаильского полков отбросить противника, преграждавшего дорогу. Эта атака, произведенная без всякого содействия артиллерии, не удалась. „Части, понеся тяжелые потери, закрепились и окопались“.

Корнилов говорит: „Так как артиллерии 48. дивизии негде было развернуться, а без артиллерии дальнейшее наступление вело только к уничтожению, то я решил немного подождать, полагая, что 49. дивизия, находившаяся в 5—6 верстах от меня, окажет мне поддержку переходом в наступление, хотя бы накоротке на высоту 534“.

Эта надежда не оправдалась и прежде всего по той причине, что обе дивизии не поддерживали между собою связи, а Корнилов даже и теперь не послал офицерского раз'езда для розыска Пряслова и извещения его о происшедшем.

¹⁾ Расследование о потере артиллерии.

²⁾ Рана была настолько легкая, что Корнилов даже обошелся без перевязки.

К 10 часам утра для Корнилова стало выясняться, что в случае дальнейшего промедления дело может принять весьма дурной оборот и потому он приказал своей артиллерии идти через Мшану и Тилову на Дуклу, а оттуда через Ясионку и Любатовку на Ивонич. Прикрытием должны были служить: сначала, состоявшие при ней, две роты укомплектования, а затем Ларго-Кагульский полк, коему было послано приказание—на пути в Дуклу остановиться у Тржицианы, выдвинув один батальон с пулеметами к Тилову.

В 11 час. утра Корнилов послал командиру корпуса в Кросно следующее донесение: „Положение дивизии очень тяжелое, настоятельно необходимо содействие со стороны 49. дивизии и частей XII корпуса“.

Это донесение было получено в 18 ч. 40 мин., причем по словам Пурикова: „просьба не могла быть исполнена, ни по времени ее получения, ни по состоянию сил и положению войск, помощи которых желал начальник дивизии“.

Тем временем артиллерия двигалась по указанному ей направлению от Хирова на Мшану, под начальством командира мортирного дивизиона полковника Трофимова. Командир бригады генерал-майор Шульман, с несколькими батарейными командирами и офицерами, остался близ Хирова для руководства вывозом поврежденной материальной части.

В полдень, когда артиллерийская колонна прошла д. Мшану, „беглецы из д. Тилова распространили слух о том, что в их деревню подвезли 10—12 пушек и пришли мадьяры“ ¹⁾.

Полковник Трофимов приказал батареям свернуть с дороги вправо и стать в резервной колонне за отрогом высоты, верстах в двух впереди Мшаны, а взводу 3. батареи выехать на позицию влево от дороги и открыть огонь по д. Тилова. Вслед затем „были выдвинуты на позицию 6. батарея и горный взвод, которым приказано обстрелять возвышенности восточнее и южнее д. Тилова“, то-есть поражать пространство, о занятии коего неприятелем никаких сведений не имелось и где в действительности никого не было.

Пехотному прикрытию Трофимов приказал наступать на Тилову по обеим сторонам дороги.

Начальнику дивизии было послано в 12 час. дня следующее донесение: „доношу, что д. Тилова занята противником. У меня имеются полторы роты, которые двинуты на Тилову“.

¹⁾ Расследование о потере артиллерии.

Артиллерия стоит на дороге между Тиловой и Мшаной. Прошу дальнейших распоряжений“.

Таким образом, на основании непроверенного еще слуха, какого-то рассказа перепуганных жителей, посылается точное донесение о занятии важного пункта, преграждающего выход из дефиле.

В это время к артиллерии под'ехал командир сотни 18. Оренбургского казачьего полка, составлявшего дивизионную кавалерию, и сообщил Трофимову, что им выдвинуты две заставы на высоты к югу от дороги Мшана—Тилова и отправлен раз'езд для освещения пути из Тиловы в Свидник.

Тогда же в 12 час. дня полковник Трофимов послал командиру Ларго-Кагульского полка следующую записку: „Прошу выслать несколько рот для прикрытия артиллерии, идущей через Мшану и Тилову на Дуклу“. Но два разведчика, отправленные с этой запиской, равно как и казак, посланный с приведенным выше приказанием Корнилова ¹⁾, не могли найти Ларго-Кагульского полка.

Это об'ясняется тем, что „вследствие слухов, плохо проверенных разведкой“ ²⁾, о занятии немцами Дуклы, командир названного полка, полковник Карликов, отказавшись от предписанного ему первоначальным приказом движения к Дукле, в полдень, у Тржицианы свернул с шоссе вправо и через Завадку Римаховску и Люботову отвел свой полк прямо в Ивонич, о чем и донес начальнику дивизии.

В действительности, в м. Дукла в это время не было никакого неприятеля, а оно было с 11 час утра занято батальоном Очаковского полка, высланным Корниловым из Хирова по горной дороге „с целью обеспечить с севера отход дивизии через Дуклу и войти в связь с частями 49. дивизии“.

Не найдя в районе Дуклы этой дивизии, которая с полудня уже занимала новый фронт Иедличе-Роги, и опасаясь обхода немецких войск, наступавших с запада к шоссе севернее Дуклы, очаковцы в 14 час. пополудни также ушли через Ясионку и Любановку на Ивонич.

Около 14 час. прибыл к артиллерии, продолжавшей стоять на прежнем месте, командир бригады Шульман, которому об'яснили обстановку и доложили сделанные распоряжения. В это же время было получено следующее донесение от начальника пехотного прикрытия, производившего наступле-

¹⁾ Вместо Дуклы остановиться у Тржицианы, выдвинув один батальон с пулеметами к Тилову.

²⁾ Письмо Кислова к Корнилову.

ние на Тилову: „Доношу, что действительно 30—40 австрийских кавалеристов занимали часть деревни около церкви; вверенной мне ротой даны шесть залпов и они быстро уехали по линии шоссе долом, оставив трех пленных наших; влево от деревни на высоте обнаружены также малые из 3—4 человек раз'езды, которые немедленно по открытии огня скрываются. Пехота не замечена“.

Казалось бы, что после столь успокоительного сообщения, опровергавшего прежние слухи, артиллерии оставалось лишь возможно быстрее двигаться по указанному направлению через Тилову на Дуклу, но тут, несмотря на наличие двух рот прикрытия, явилось новое опасение перед неприятельской кавалерией. Решено было раньше обследовать шоссе из Тиловы на Дуклу особым офицерским раз'ездом.

„Стали собирать разведчиков по два от батарей. Сформирование артиллерийского раз'езда принял на себя полковник Резвой. В состав раз'езда вошли 10 разведчиков артиллеристов и 2 казака при 2 офицерах. Раз'езду было приказано осветить местность по шоссе из д. Тиловы в Дуклу, и по проезде пяти верст прислать донесение о возможности дальнейшего движения“.

В 15 ч. 35 мин. раз'езд донес, что шоссе на Дуклу свободно и что в последнем пункте находятся очаковцы. Одновременно были присланы донесения из Тиловы о том, что с юга, со стороны Барвинок, показались неприятельские раз'езды и патрули.

Шульман хотел уже продолжать приостановленное движение через Тилову на Дуклу, как было получено приказание Корнилова: „Отходите немедленно через Мшану к д. Хиров и станьте укрыто у перекрестка с отметкой 510, или еще ближе к Хирову так, чтобы не подвергаться обстрелу“.

Это приказание было ответом на приведенное выше, посланное в 12 час. дня, донесение полковника Трофимова о занятии д. Тилова. При существовавшей обстановке, когда путь через Тилову на Дуклу был свободен, исполнять его, очевидно, не следовало, но у Шульмана не хватило инициативы даже для такого решения, и он собрал „военный совет“.

Во время совещания неприятельские батареи начали неожиданно обстреливать дорогу Мшана-Тилова. Одна шрапнель разорвалась над резервной колонной артиллерии и произвела страшную суматоху: „лошади шарахнулись вперед через реку, переворачивая орудия и ящики, цепляясь в запряжках и постро-

ках; вслед за шрапнельным выстрелом раздался треск пулемета по сбившимся в кучу запряжкам¹⁾.

Семь орудий, подхваченных испуганными лошадьми, понесли по дороге на Тилову, при чем два из них почему-то отстали и впоследствии достались противнику, а пять остальных, направляемые ездовыми, продолжали движение по шоссе через Яслиску на Риманов, еще раз доказав, что вечером 23 апреля этот путь был свободен от неприятельских войск.

Что касается оставшейся артиллерии, то она была захвачена австрийцами. К сожалению, в имеющихся у нас документах нет описания того, как это произошло.

Между прочим, в отчете 48. дивизии сказано, что около 2 час. пополудни Корнилов приказал двум батальонам Измаильского полка идти в прикрытие артиллерии, а в письме Кислова к Корнилову действия этих батальонов описаны следующим образом:

„Потапов, как рассказывал мне подпоручик Измаильского же полка—Стоякин, получив приказание поступить в распоряжение Шульмана, двинулся туда около 4 час. дня, без всяких мер охранения и разведывания. Около Мшаны измаильцы были обстреляны пулеметами и в панике бросились в лес на высотах 648—601 Sw. Jan., а оттуда, немного устроившись, перешли к корчме и мельнице, напротив д. Нова-Весь. Здесь был собран военный совет, на котором был и Попович-Липовац. Подошедшие австрийцы бросили в толпу измаильцев несколько ручных гранат и открыли огонь пачками; произошла такая паника, что все бросились бежать, куда глаза глядят. Стоякин мне говорил, что он вам докладывал об этих действиях, не знаю, с такими ли подробностями“.

Надо полагать, что через некоторое время паника улеглась, но самый факт бросания ручных гранат показывает, что неприятель незаметно приблизился на несколько десятков шагов, то есть, что измаильцы, при коих находились командир полка и командир бригады, стояли без всяких мер охранения.

В сообщении германской главной квартиры сказано, что вечером 23 апреля (6/V), близ д. Тилова, австрийцы взяли из состава 48. дивизии около 3000 пленных²⁾.

К ночи немецкие войска уже заняли м. Дука, а передовые части австрийцев д. Тржициану, сомкнув кольцо вокруг 48. дивизии.

¹⁾ Расследование о потере артиллерии.

²⁾ Kriegsberichte aus dem grossen Hauptquartier. Н. 7. стр. 11.

Сначала Корнилов намеревался пробиваться в направлении Нова-Весь, для чего сосредоточил все оставшиеся силы к Хировой горе; но затем он от этого намерения отказался, хотя в ночное время такой план имел некоторые шансы на успех, тем более, что на указанном направлении находился мало-численный противник и притом австрийцы.

С рассветом прорыв сделался уже гораздо труднее; неприятельская артиллерия стала стрелять с севера, запада и юга вскоре к этому присоединился ружейный и пулеметный огонь.

В отчете 48. дивизии описание боя 24 апреля (7/V) заканчивается следующими словами:

„Полки дивизии отбивались на все стороны, имея целью возможно дороже продать свою жизнь и свято выполнить свой долг перед родиной“.

Дальнейшее мы узнаем из лаконического, но точного сообщения германской главной квартиры:

„На предложение немецкого парламентаря сдаться начальник дивизии ответил, что он не может этого сделать, сложил с себя командование и исчез со своим штабом в лесах ¹⁾. Вслед за этим 3500 человек сдались корпусу Эммиха. После четырехдневного блуждания в Карпатах генерал Корнилов, 12 мая (н. с.), со всем своим штабом, также сдался одной австрийской войсковой части“ ²⁾.

В результате, от 48. пехотной дивизии сохранились лишь: Ларго-Кагульский полк и батальон очаковцев, заблаговременно ушедшие с поля сражения; некоторые части, находившиеся в тылу, и пять орудий, спасенных взбесившимися лошадьми.

Что касается главных сил дивизии, окруженных неприятелем, то они погибли полностью: 6½ тысяч человек были взяты в плен, остальные убиты или ранены.

Знамена всех полков уцелели, так как их, по обыкновению, держали в обозе второго разряда.

Генерал Пуриков узнал об участии, постигшей половину его корпуса, лишь 25 апреля—8/V в 2 часа пополудни.

Первоначально всему этому делу постарались придать такой вид, как будто бы 48. дивизия сознательно задержалась

¹⁾ Вместе с ним ушли также командир артиллерийской бригады Цимм, а также после потери орудий, действительно, нечего было делать, и командир Рым-пикского полка Петровский.

²⁾ Kriegsberichte aus dem Grossen Hauptquartier Heft 7, стр. 11: «Von einem deutschen parlamentar aufgefordert, sich zu ergeben, erklärte der Divisionskommandeur, dies könne er nicht tun, legte sein Kommando nieder und verschwand mit seinem Stabe in den Wäldern. 3500 Mann ergaben sich hierauf dem Korps Emmich. Nach viertägigem Umherirren in den Karpathen ergab sich General Korniloff am 12 Mai samt seinem ganzen Stabe einem österreichischen Truppenteile».

для прикрытия общего отступления, после чего, выполнив свою задачу, остатки ее полков, со своими знаменами, пробились сквозь окружавшего многочисленного неприятеля, сам же Корнилов, находившийся при арьергарде, был тяжело ранен и взят в плен.

Главнокомандующий юго-западного фронта Иванов телеграфировал верховному главнокомандующему: „Ходатайствую о примерном награждении остатков доблестно пробившихся частей 48 дивизии и особенно ее героя начальника дивизии, генерала Корнилова.“

Решение великого князя видно из следующей телеграммы, полученной командиром корпуса от командующего армией: „его императорское высочество вошел с ходатайством о награждении генерала Корнилова орденом Св. Георгия 3 степени, телеграфировал государю императору о геройском подвиге 48 дивизии, жалует всем нижним чинам георгиевские кресты, повелел телеграфировать об офицерах, достойных ордена св. Георгия 4 степени, передать им свою горячую благодарность, вся армия гордится ими“.

Прошло более года прежде, чем дело стало понемногу раз'ясняться и постепенно появились разобранные выше документы, но и в них, посреди полемики и взаимных разоблачений, все-таки еще мелькает легенда о том, как „остатки полков 48 дивизии, спасая знамена, устлая своими и вражьи трупам, пробились и вышли на фронт корпуса“.

Такое упорное искажение истины не может нас удивлять, потому что ложь в донесениях и реляциях была вообще весьма распространенной болезнью в русской армии.

Из сделанного очерка боевых действий видно, что *48 пехотная дивизия погибла от дурного управления войсками*, следовательно по той же самой причине, по коей была, главным образом, проиграна русскими и вся война 1914—18 гг.

Командир корпуса генерал Цуриков, ограничиваясь отдачей неполных и неточных приказов, в дальнейшем выпускал командование из своих рук. Вместо того, чтобы тщательно организовать отступательный марш корпуса и лично следить за его выполнением, он предоставил это дело начальникам дивизий, и перед самым кризисом уехал в тыл. Отсюда он послал командующему армией телеграмму о благополучном выходе корпуса из гор, а спустя сутки неожиданно узнал, что половина его корпуса погибла.

Служба генерального штаба во всех штабах корпуса исполнялась неудовлетворительно, особенно в деле организации связи.

Начальник 49. дивизии Пряслов действовал так, как будто он был один, совершенно не справляясь с положением частей дивизии.

Генерал Корнилов неверно оценивал обстановку, поступал вразрез с намерениями командира корпуса и даже не исполнял приказаний. Он не поддерживал никакой связи с 49. дивизией, неправильно организовал отступательное движение, потратив напрасно много времени, а в конце, не рассчитывая удержаться, покинул вверенные ему войска, после чего они потеряли оружие.

Командир Рымникского полка Петровский несвоевременно исполнил важное приказание начальника дивизии и даже не попытаться выдвинуть хотя бы небольшую часть для прикрытия выхода из дефиле.

Командир Измаильского полка Потапов водил и располагал свои батальоны без всяких мер охранения и разведывания.

Командир Ларго-Кагульского полка Карликов, на основании каких-то слухов, потом оказавшихся ложными, не пошел в назначенный ему пункт, а свернул в сторону и совершенно отделился от дивизии.

Командир 48 артиллерийской бригады генерал Шульман проявил полную бездеятельность и поразительное отсутствие инициативы.

В таком же духе действовали и некоторые младшие начальники.

Вообще, описанные события, кроме ошибок в области творчества, всегда возможных в трудном и ответственном деле, обнаруживают на каждом шагу нарушение самых элементарных начал тактики и полевого устава и полную неналаженность всего механизма управления, тем более удивительную, что генералы Цуриков и Корнилов командовали своими частями с самого начала войны и следовательно имели за собой восьмилетний опыт почти непрерывных боев.

В плену, в Австро-Венгрии, Корнилов пробыл год и три месяца, все время думая о побеге, но убежать было невозможно. Связи с сообщниками из местных жителей, а его не находилось.

Наконец, в июле 1916 года, будучи в госпитале в Кессиге, Корнилов вошел в соглашение с аптекарским фельдшером, немцем Мрняк, который за 20.000 крон (уплачиваемых по приезде в Россию) взялся освободить его из плена. Деньги на

путевые расходы, в количестве нескольких тысяч крон, у Корнилова имелись.

Мрияк добыл все нужные документы, переделал Корнилова в австрийскую солдатскую форму, вывел его из госпиталя и по железной дороге доставил к румынской границе, которую Корнилов благополучно перешел. Сам Мрияк, судя по австрийским газетам, был арестован и предан суду, который приговорил его к смертной казни, но впоследствии это наказание было заменено заключением в тюрьме на 25 лет.

Бегство из плена, вокруг коего была создана шумная реклама, сделало имя Корнилова известным в России и послужило основанием для последующего быстрого его возвышения. Под ударами неприятеля, раздираемый внутренней смутой, русский народ тщетно искал героя-избавителя и посреди общего безлюдья некоторые думали его найти в смелом солдате, коего военные и политические таланты далеко не соответствовали его беспредельному честолюбию.

Е. И. Мартынов.

После напечатания этой статьи была найдена, в деле № 3 Оперативного отделения Управления генераль-квартирмейстера юго-западного фронта (ч. II, стр. 146), следующая телеграмма главнокомандующего Иванова, отправленная 26 апреля в Львов генералу Половцеву:

«Прошу принять самые решительные меры по содержанию передаваемой ниже относительно генерала Поповича-Липовац, части телеграммы гачальника штаба 3 армии, который сообщает следующее: раненый в бедро генерал Попович-Липовац эвакуировался во Львов и с пути прислал телеграмму панического содержания, в которой изображает бой 48 дивизии в весьма субъективной окраске страждущего от ран человека. Крайне необходимо принять меры к тому, чтобы во Львове его рассказы не произвели вредного впечатления и весь прекрасный бой этой дивизии не получил бы одностороннего освещения».

Очевидно, черногорец Попович-Липовац, кавалер четырех солдатских и офицерского георгиевских крестов, пытался высказать какую-то правду о бое 48 дивизии.